

ГРОБОВЩИК ДЛЯ ЦАРЯ

загадочное убийство при странных обстоятельствах

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ТАТЬЯНА НИЛЬСЕН

Татьяна Нильсен

Гробовщик для царя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67118283

SelfPub; 2024

Аннотация

Она успешная переводчица, дочь состоятельных родителей, которые находятся в длительной командировке в Берлине. В её распоряжении квартира в центре столицы, автомобиль, любые ботики и наряды! Казалось, чего ещё желать? Вот только не везёт в личной жизни! Перебрав с алкоголем по поводу разрыва с любовником, Лиза уснула в своей постели. Проснувшись, она не сразу понимает, где находится, оказалось, что в заброшенном доме и в компании женщины без определённого места жительства. Память отказалась раскрывать подробности того, по чьей воле, и каким образом она попала в это место! Растерявшись, Елизавета не понимает, к кому можно обратиться за поддержкой и от кого исходит угроза. Помощь появляется совершенно неожиданно от людей совсем чужих, которые впоследствии станут самыми близкими. Содержит нецензурную брань. В 2023 году книга получила Золотой диплом за 1 место в Германском международном литературном конкурсе "Лучшая книга" в номинации крупная проза.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	26
Глава 3	62
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Татьяна Нильсен

Гробовщик для царя

Глава 1

– Неужели ты понимаешь, что почти уничтожил меня! Растоптал! Сделал всё, чтобы подавить во мне личность! Ты запретил жить, руководствуясь моими личными интересами! И не отводи глаз! – палец с авторским маникюром повернул кошачью мордочку. – Нет, дослушай до конца!

Мурзик потопал лапками, разминая затёкшие косточки, и зевнул. Он слушал эти бредни который день. Если бы не его огромная любовь, плевать бы он хотел на причитания. Правду сказать, сегодня нытьё сменили укоризненные интонации. Да, уж лучше так, а то первые дни хозяйка рыдала, размазывая слёзы по лицу, и совсем забыла о его существовании, приходилось перекрикивать сумасшедшим мяуканьем надрывные всхлипы, чтобы обратить на себя внимание. Кушать хотелось! Ну, ничего, кажется, в себя приходит, сегодня даже злоба какая-то появилась, так недалеко до выздоровления. Мурзик снова зевнул и брыкнулся на стол, на прощание вяло махнув хвостиком. Руки с маникюром сначала потянулись к бокалу с вином, потом схватили меховое тельце и привели в горизонтальное положение:

– Нет, ты всё-таки выслушаешь меня! На этот раз не уйдёшь просто так! Думаешь, я не обойдусь без тебя? Ещё как обойдусь! Никогда не поздно начать жизнь сначала! И на моей улице грузовик с печеньками перевернётся! А ты пожалеешь! Ох, как пожалеешь!

И снова палец с острым ноготком помаячил перед кошачьим носиком. Мурзик посчитал, что роль предателя любовника он отыграл превосходно, с величайшим терпением принял укоризненные, гневные удары на себя и на сегодня пора заканчивать. Он попятился назад, выбираясь из цепких ладоней, не рассчитав расстояние и завис на краю стола, уцепившись за скатерть. Повисев секунду над полом, грохнулся, увлекая за собой скудный хозяйский ужин: бокал красного вина, хрустальную вазочку с печеньем «Курабье», пиалу с оливками и тарелку с сыром «Гауда». После крушения появилась надежда, что чудесная продукция немецких сыроваров достанется ему, ведь не комильфо для барышни есть извалянные на полу кусочки. Так и случилось. В связи с происшествием безутешная хозяйка отвлеклась от горьких мыслей на какое-то время. Мурзик прижал ушки, ожидая взрыва негодования, но она только констатировала пьяным голосом тот факт, что беда не приходит одна, хотя разбитый бокал вернул толику оптимизма – посуда бьётся к удаче. Хозяйка намочила под краном полотенце, собрала остатки вина, перемешанные со стеклом, и вытряхнула в помойное ведро, потом руки с тонкими запястьями сделали то же самое с пи-

алой, оливками, печеньем и хрустальной вазочкой, которая так же приказала долго жить. Кот сидел рядом и водил носиком, наблюдая за манипуляциями. Он боялся пропустить момент, когда решиться судьба сыра и приготовился завопить в любую минуту просительной надрывной песней. Он никогда не воровал, был терпелив, всегда ждал своей порции обеда, только суетливо переминался с лапки на лапку и заглядывал в глаза, пытаясь выяснить, чего нынче предложат. Ему нередко доставались лакомства с хозяйского стола, он знал вкус прекрасных колбас и паштетов, бывало, вкушал деликатесы похлеще сыра «Гауда» и всё же не мог позволить просто так выбросить в помойку дефицитный продукт. У хозяйки, несмотря на приличную дозу алкоголя в организме, не поднялась рука отправить добро в ведро с отходами. Она хорошо знала своего кота, оливки и «Курабье» не входили в сферу его кулинарных интересов, а вот сырок поглощался с огромным удовольствием, поэтому, аккуратно собрав остатки и тщательно освободив от стеклянных крошек, рука переместила сыр в кошачью миску. Мурзик выдержал паузу, негоже воспитанному и благородному коту немедленно хватать еду и со звериным урчанием поглощать вожделенные жёлтые кусочки. А так хотелось! Кот считал себя аристократом. Откуда появилась такая уверенность в его пушистой головке, он и сам не знал, ощущение собственной значимости пришло давно, ещё в детстве. Сколько себя помнил Мурзик, он всегда жил в этой квартире с высокими потолками, хру-

стальными люстрами, мебелью из красного дерева и окнами, выходившими на Москву реку, откуда можно было увидеть Кремлёвские башни. И если бы хозяйка сказала, что нашла жалкий и продрогший комок на осенней улице, когда дождь со снегом срывал последние листья с деревьев, то он ни за что не поверил! Судя по обстановке, он должен родиться не в грязном подвале, а на розовой мягкой перинке от кошки-матери с бантом на шее, и с таким же, как у хозяйки маникюром на ногтях! Кот ел медленно, наслаждаясь мягкостью нежного сыра, в твёрдой уверенности в то, что сытая, райская жизнь никогда не закончится. Вкусная еда не переводилась в холодильнике в основном благодаря родителям хозяйки. Слава Богу, они появлялись в квартире довольно редко, а уж если приезжали, приходилось ходить по струнке, терпеть расчёсывания и даже посещать парикмахера. Они жили и работали где-то далеко, но благодаря своим связям, свежие продукты примерно раз в месяц заполняли холодильник. Спасибо добрые люди за заботу, иначе они с хозяйкой питались бы одними полуфабрикатами. Она, то забывала зайти в магазин, то месяцами сидела на диете. Мурзика возмущало такое безалаберное поведение – он же не блюдёт фигуру! Нельзя быть такой эгоисткой, думать только о себе! Да ещё в диетический период становится злой и раздражительной. Уж лучше бы хомячила всё подряд, от сытости благодущие наступают! Мурзик знал толк в вальяжной жизни!

Кот, оставив пару кусочков на потом, отправился на ди-

ван. Он категорически игнорировал подстилки, матрасики и кровати, которые хозяйка для него покупала. Зачем тратить деньги, если в доме несколько огромных диванов, в два раза больше кресел и ковры на полу с затейливыми узорами. Ночью Мурзик предпочитал спать на широкой кровати, пристроившись к тёплому плечу хозяйки. Благо ночные ухажёры были да сплыли! А тот, что мелькал последнее время, появлялся днём ненадолго, однако и он, похоже, решил закончить отношения, недаром Лизка так убивается! Влюблённая дура, сама не понимает, что избавилась от обузы. Ну, что это за мужик, который не переносит животных! Ни разу не принёс гостинца, ни разу не почесал за ушком и постоянно делал вид, что Мурзика не существует ни в этой квартире, ни в этом мире. Да провались он пропадом! А Лизка поплачет и перестанет, снова тишина, покой, мир и порядок!

Кот заснул в спальне на широкой кровати тревожным сном. Он переживал за Елизавету, как бы, не выкинула чего по пьяной лавочке! Вообще такое с ней первый раз. Раньше приходила с запахом из ресторана, с подружками могла за воротник залить, а сейчас уже несколько дней. Не порядок! Кот попытался посчитать, сколько дней и ночей длится индивидуальный собантуй, но сбился от обволакивающей дрёмы.

Елизавета достала из шкафа новый бокал, налила себе вина и уставилась в окно. Она с самого начала этих отношений должна была понимать, что ничего не выйдет, продолжения

не будет, а находиться в состоянии незаконных, прелюбодейских отношений смысла нет. Он должен был уйти от жены, отвести её в ЗАГС, зарегистрировать официально брак, закатить грандиозную свадьбу, а уж она через девять месяцев обязательно родила бы наследника. Вот это дело, а не любовница три раза в неделю в гостинице или здесь же в родительском доме! Фу, какая пошлость! Нет, сначала была романтика, цветы, путешествия, дорогие подарки и рестораны. Она ещё долгое время не подозревала, что мужчина состоит в браке и имеет детей, а когда выяснила подробности его жизни, то было уже поздно – Елизавета по уши влюбилась! А что бы изменилось, знай, она о его статусе до того, как вступить в совершенно близкую связь? Да ничего! Он умел очаровать! Мужчина обладал магнетизмом, притягивающим к себе возвышенные натуры. И всё же нелегальные чувства с телефонными признаниями, редящими встречами постепенно стали тяготить обоих и в первую очередь его. Елизавета перешла к активным действиям и начала выдвигать требования, на которые возлюбленный совсем не собирался реагировать. Он жутко уставал на работе и чувственные отношения, в его понимании, должны были наполняться вкусом прекрасной еды, французского вина, ароматом элитной парфюмерии, прикосновением шёлковых простыней, радостью и лёгкостью бытия. Мужчина по праву считал себя умным и понимал, что любовь, прежде всего самопожертвование, остальное лишь отдохновение души и тела от трудов правед-

ных. Он по настоящему любил свою жену, поэтому разрешил родить четверых детей и никогда бы не оставил её, ещё благодаря тому, что не позволила бы еврейка мать и возможное порицание общества. Он ничего не собирался менять в своей жизни и эту простую мысль донёс до любовницы в один прекрасный вечер, когда она затянула знакомую песню о его разводе и их совместной жизни.

Елизавета вздохнула, в последние дни она часто обращала взор в прошлое, а куда ещё смотреть, как не на прекрасные моменты прожитых лет, потому что будущее не сулит никаких счастливых перемен. Чашка разбилась вдребезги, как бокал вина! Можно поставить точку! Вот только, где взять силы на новые отношения? И как, в каком месте завести эти отношения? Ходить одной по ресторанам, в кино, на выставки? Такое поведение пахнет примитивным съёмом. К тридцати пяти годам подруги обосновались в квартирах, обзавелись детьми и мужьями и рассчитывать на их компанию нет смысла!

Лиза опрокинула в себя рубиновую жидкость, вытерла губы тыльной стороной ладони и уткнулась лбом в прохладное стекло окна. Весна пришла поздно, но внезапно. Ещё до начала апреля на обочинах дорог лежали сугробы, и вот неожиданно город покрыло тепло. За одну ночь остатки снега слились в канавы, и почки на деревьях разбухли, обещая скоро выбросить зелень. Ночами ещё стояли холода, утром жители, выходя на работу, кутались в шарфы, надевали перчатки,

а возвращаясь домой, несли свои куртки в руках. Девушка смахнула слезинку. Она так мечтала провести отпуск у тёплого моря с любимым мужчиной, но все мечты рухнули и погребли под завалами остатки надежды.

Неожиданно зазвонил телефон. Трели раздавались в районе спальни. Елизавета не хотела ни с кем разговаривать, но абонент на том конце оказался очень настойчив. Мурзик, разомлев от сытости, разместился на подушке и как раз в том месте, где образовалась ямка от её головы.

«Вот наглая морда, – пробормотала Лиза, – звон поднял почти весь дом, а этот даже ухом не ведёт».

Постель она не заправляла уже третий день, именно столько дней, сколько топила одинокую печаль свою в горячительном, поэтому наглый кот кувыркался в простынях и валялся, где ему вздумается. Девушка взяла аппарат с косметического столика, и посмотрела на табло, прикидывая, стоит ли обнаруживать себя. Настойчивым абонентом оказалась мать. Ей как раз ответить просто необходимо, потому что она, несмотря на расстояния, в случае паники может помчаться в аэропорт и первым рейсом вылететь из Берлина в Москву. Родители Заболоцкой занимали высокие посты в торговом представительстве в Германии. Елизавета с молодых ногтей могла причислить себя к компании московских мажоров, если бы не строгое воспитание. Отец Олег Евгеньевич детям спуска не давал, несмотря на дорогие подарки, квартиры к совершеннолетию, автомобили и золотые банковские карты.

Брату Никите повезло больше, после окончания медицинского ВУЗа он быстро женился и отправился на стажировку в одну из стран Латинской Америки, поэтому у четы Заболоцких не имелось веских причин опекать дитя, теперь он под присмотром жены. С дочерью произошла другая история. Лиза никак не могла найти себя, мать не то в шутку, не то с горечью сетовала соседке, что дочь не знает, куда себя приткнуть, то ли к умным, то ли к красивым. Вроде пыталась пристроиться в модельный бизнес, но жёсткие диеты и многочасовые дефиле на высоких каблуках выматывали донельзя, от чего у девушки на фоне анорексии начало развиваться истощение внутренних органов. Отец жёстким тоном приказал сменить сферу деятельности и найти человеческое занятие! Мать робко поинтересовалась, что имеет в виду муж:

– Надеюсь, ты планируешь отправить дочь не на завод?

– А чем завод вам не угодил? Всё больше толку, чем острыми мослами мерить периметр узкого языка!

До завода дело, конечно, не дошло. Елизавету отправили на курсы английского языка, и этот интуитивный тык оказался совершенно правильным. Через несколько месяцев Елизавета сама, без чьей-либо помощи поступила в Институт иностранных языков. Ещё находясь на обучении, брала подработку на сложные технические переводы, а по окончании её пригласили в крупное московское агентство, которое специализировалось на переводах научных разработок в сфере медицины и новейших технологий. Вот эта работа оказалась

по душе, попадание сто процентов! Отличная зарплата, частые поездки за рубеж, свободный график без привязки к месту службы за тем исключением, когда приходилось делать переводы из закрытых источников. Так что три дня отсутствия на службе никто не заметит, но это не про мать, от неё не скрыться!

Лиза потёрла кулаками щёки, возвращая румянец, покусала губы, восстанавливая дикцию и, схватив трубку, бросилась в ванную, открыла кран, и только потом подключилась.

– Привет мама, – бодрым голосом вскрикнула Лиза, опуская голову над паром, чтобы мать не заметила заплаканных глаз. – Я в душе!

– Ты где пропала? – взволнованный голос матери прорвался через километры и шум льющейся воды. – Я звонила несколько раз! У тебя всё в порядке? Если бы ты не ответила сейчас, я не знаю, что бы сделала! Уже настропалила коллегу с работы, чтобы пустить его по твоему следу! Он прилетел вчера из Берлина и привёз, кстати, для тебя корзину с продуктами!

– О, мама, вечно ты переживаешь на ровном месте, – Елизавета вынырнула из пара и показалась матери на экране. – Я уже большая девочка! Могут быть у меня свои дела?

– Конечно! – мать ослабила натиск. – Просто мы с папой переживаем. Мне не нравится твой голос и под глазами синяки. Ты не больна?

– Нет! Со мной порядок, – рявкнула дочь, потом смягчи-

лась. – За продукты спасибо, завтра заберу, скинь его телефон.

Они ещё перекинулись несколькими словами, и дочь со вздохом облегчения отключилась. Кажется, мать не заметила опухшего лица и пьяного выговора. Лиза побрела на кухню. Ни в шкафах, ни в холодильнике, ни грамма вина не наблюдалось. Она залезла в отцовский бар – придётся пить виски!

Лиза имела свою квартиру, но пока родители находились в отъезде, она всегда жила на них территории, потому, что до работы можно было рукой подать. А это огромное преимущество не стоять в пробках и не просыпаться раным-рано. После некоторых событий, дочь старалась не посвящать родителей в свои личные отношения с мужчинами. Отец не особо вникал во взаимоотношения дочери с особями другого пола, считал, что придёт время, всё сложится само собой. Мать же не отличалась особой деликатностью и чуткостью, справедливости ради надо отметить, что вероломное вторжение в личную жизнь, касалось лишь её детей. Однажды на школьном экзамене Лиза не дала списать однокласснику. Тот подкараулил после школы и просто напинал под зад. Елизавете не было больно, но сердце сжигало чувство чудовищного унижения, потому, что картину наблюдал весь класс, уставившись в огромное окно кабинета. Дело заключалось не в жадности или эгоизме, она бы помогла, подсказала, даже бы дала готовое решение, но мальчик не учился совсем. Сын какого-то генерала знал, что без проблем посту-

пит в МГИМО, потом отправится с дипломатической миссией в какую-нибудь уютную европейскую страну. Оставалось дело за малым, просто не завалить выпускные экзамены. И даже учительница вышла из класса в нужный момент. К слову сказать, школу Заболоцкая посещала элитную, со всеми возможными уклонами и отклонениями, словно это не учебное заведение, а курсы по подготовке научных светил. По факту учреждение отличалось от других повышенной комфортностью, улучшенным оснащением и плотностью научных работников и даже профессоров на один квадратный класс.

Домой Лиза прибежала вся в слезах. Мать, выслушав историю, не кинулась со скалкой громить обидчика, его семью и школу с халатными преподавателями. Она успокоила дитя, преподнесла ей конкретные резоны – генеральский сын завалил экзамен, и его будущее, как дипломата оказывается под большим вопросом, а с одноклассниками, равнодушно наблюдающими из окна, её больше ничего не связывает, во всяком случае, за партой ни с кем из них дочь больше не окажется! Через два дня Елизавета и не вспоминала о происшествии, она мерила высокими шпильками плацдарм высокой моды. Однако об инциденте не забыла мать. Неизвестно откуда, она раздобыла сведения, что московский генерал, снабжая несколько федеральных округов продуктами питания, производил закупки и пропускал через вверенное ему ведомство товары по завышенным ценам. Разницу, естествен-

но без стеснения пригревал в собственном кармане и делился кое с кем. Документы о махинациях появились в Генеральной прокуратуре, генерала отстранили от работы до выяснения реальных фактов мошенничества. Следующий шаг матери направился в сторону школы. Она выложила историю унижения дочери директору и предупредила его о том, что если всё-таки обидчик получит аттестат о среднем образовании, она камня на камне не оставит от отдельно взятого учебного заведения. Уже возле порога кабинета женщина остановилась и негромко, но ясно произнесла:

– Я сняла генерала, а с вами разберусь за полчаса!

Заболоцкая вышла, тихо притворив за собой дверь, а директор элитной школы понял, что дерзкая дама не шутит! В те дни о разжалованном генерале трубил каждый утюг.

История разборок прошла бы мимо Елизаветы, она занималась совсем другими делами, если бы о ней не поведал старший брат, который оказался в курсе событий. Вот тогда Лиза намотала себе на ус, что мамочка, защищая интересы собственных детей и семьи, может пойти далеко. Очень далеко и поэтому лучше беречь её нервы, и не посвящать в некоторые личные дела.

От мыслей снова отвлёк телефонный звонок. Лиза повернулась от окна, взяла со стола рюмку, сделала несколько глотков, выдохнула и только потом глянула на дисплей. Телефон ещё только поднимался к уху, а оттуда уже несясь зычный голос подруги и по совместительству коллеги:

– Лизка, совсем обалдела?

– Можешь не орать! – Елизавету передёрнуло от крепкого алкоголя. – Во-первых, привет, – она надкусила лимон и скривилась.

– Ну, да привет, – коллега сбавила напор. – Заболоцкая у тебя всё в порядке?

– Всё в полном ажуре, если не считать того, что меня бросил Соловьёвский! – Елизавета глубоко вздохнула, решила снова пролить надрывную слезу и даже всхлипнула, давая понять подруге Жанне, что горе её безгранично. Однако рыдания отказались возвращаться, наоборот стало как-то зло и весело. – Представляешь, этот козёл отказался уходить из семьи! Его, видите ли, устраивают наши отношения, и он не желает ничего менять! Я, дошла до белого каления и пригрозила всё рассказать его супруге! Ты бы видела его глаза!

– Ты пьяная? – Жанна остановила словесный поток подруги.

– А каким образом я должна пережить такой стресс? – рука с ярким затейливым маникюром на ногтях потянулась к бутылке.

– И как давно ты хороводишься с зелёным змеем?

– Сегодня, какое число?

– Двадцатое апреля.

– Ого! Ничего себе! Разрыв произошёл семнадцатого, значит три дня!

– Слишком долго даже для прогорклого алкоголика, – в

голосе подружки прозвучали укоризненные ноты. – Ты Мурзика кормила? Сама что-нибудь ела?

– Жаннеточка, ты же знаешь, я сама не поем, а Мурзика накормлю обязательно! У него сегодня в меню немецкие сыры.

– Может, я приеду к тебе?

– О нет! Спасибо, конечно, но я не хочу, чтобы кто-то видел меня в таком состоянии! – Лиза налила рюмку, запрокинула в рот и шумно выдохнула вязкие пары, отведя лицо от телефона, чтобы подруга не услышала тяжёлое дыхание.

– Я давно тебе говорила, что Соловьёвский конченная мразь! Стоит только посмотреть его репортажи, становится понятно, что это за тип! Смотри правде в глаза – ты с самого начала знала, что у вас нет будущего. Ну, кто уходит от кучи ребятишек? Он публичная личность, да его распнут его же слушатели! Угораздило тебя втрескаться в такое ничтожество.

– Согласна, он ничтожество, но очень знаменитое и обаятельное ничтожество! Ах, как он ухаживал, дарил подарки...

– Надеюсь, он не потребовал вернуть украшения?

– Нет, но пообещал уничтожить меня, если хоть слово о нашей связи долетит до его жены и вообще, хоть в какое-нибудь публичное пространство!

– Он трус! Ничего не сделает! Надеюсь и ты, не станешь балаболить и трепаться на каждом углу! Поведи себя интеллигентно!

– Пока не знаю, очень хочется сделать ему больно!

– Ладно, всё устаканится, завтра обида утихнет, и не будет казаться такой душераздирающей. Утро вечера мудренее. И потом, месть должна выродиться и устояться, может вскоре отпадёт нужда в вендетте, его жизнь накажет!

– Не верю я в прижизненное наказание. Хотя, может ты права, – вяло согласилась Елизавета.

Подруги помолчали несколько секунд, думая каждая о своём, потом Жанна спохватилась:

– Тебя на работе потеряли, разыскивают с собаками и фонарями. Шеф сказал, ты должна ещё вчера принести какой-то важный перевод!

– Совсем забыла! – Заболоцкая ударила себя ладошкой по лбу. – Работа готова, нужно кое- что подделать. Я сейчас залезу в компьютер, закончу и скину на флешку. Если завтра буду плохо выглядеть, отправлю работу курьером.

– Ты же знаешь, что шеф не приветствует доставку через третьи руки. Информация очень важная. Я могу завтра захватить и забрать.

– Надо тебе, тащиться через весь город! Сама как-нибудь решу! – Елизавета закусил губу, вспоминая, о чём хотела попросить подругу. – Ты лучше заскочи в одно место, забери корзину с продуктами, мать передала через нарочного. Адрес вышлю СМС. Если на что-то положишь глаз, продуктовый набор можешь ополовинить.

– Не вопрос, даже не сомневайся, что и заберу, и ополо-

виню! Таким предложением грех не воспользоваться! Знала я вкус немецких колбасок и сыров, не то, что от наших производителей!

– Российский шоколад все равно лучше!

– У нас лучше других, что течёт из нефтяных и газовых скважин, а в остальном мы конкуренцию проиграли.

– Опять завела свою шарманку! Всё тебе не так на родине!

Жанна ничего не ответила, потому что совсем не соглашалась с убеждениями подруги, которая в патриотических порывах хвалила всё русское. Сама же Жанетта Александрова любила путешествовать, они с мужем побывали во многих странах мира. А по делам фирмы приходилось бывать в российской глубинке и наблюдать, насколько запущена страна. Иногда в жарких спорах подруги разругивались в пух и прах. Вот и в этот момент, вступив на скользкую дорожку разногласий, Александрова прикусила язык, пресекая ненужные споры, тем более, изрядно выпившей подруге невозможно будет хоть что-то доказать! Что толку, всё равно не достучаться до мозгов, затуманенных алкоголем и потерянной любовью. Не сказать, чтобы они являлись подругами, не разлей вода. Как-то так сложилось, что сблизились на работе, сначала коллеги, потом нашли общие интересы и за пределами службы. В гости друг к другу особенно не ходили, во всяком случае, Елизавета. Честно сказать, Заболоцкая вообще ни разу не была дома у подруги, только знала, что та живёт где-то в пригороде не в квартире, а в доме, потому, что до-

бираясь до офиса, часто застревала в пробках и опаздывала. По слухам, Жанна Александрова имела мужа – красавчика, поэтому подруг в доме не привечала, боясь, что энергичные молодые девицы уведут семейное достояние. Может, эти слухи распространяла сама женщина, никто не проверял. Как-то сложилось, что подруги эту тему не трогали, во всяком случае, Александрова неохотно делилась деталями своей личной жизни. Особой красотой Жанетта не отличалась, но и к дурнушкам никто бы не причислил, так среднестатистическая женщина под сорок с выдающимися формами. Правда Александрова умело пользовалась косметикой, имела хороший вкус и могла преподнести себя, словно сама царица Савская находилась у неё в услужении.

Подруги снова помолчали, мысленно подыскивая другую тему для разговора.

– Завтра, если силы не покинут окончательно, появлюсь на работе, – произнесла, заплетающимся языком Лиза. – Прикрой меня перед шефом.

– Прикрою, куда денусь, попрошу отсрочку по сдаче твоего материала, – пробурчала Жанна. – Скажу, что у тебя грипп.

– Ты настоящий индеец! Завтра отлежусь, отмокну в пенной ванне, приведу себя в порядок, а послезавтра, как штык!

– Ого, уже послезавтра! – недовольно проворчала подруга. – Надеюсь так и произойдёт! Учти, долго отмазывать перед шефом не получится!

– Обещаю!

Подруги распрощались довольные друг другом. Елизавета ещё покружила по кухне, потом отправилась в кабинет и открыла компьютер. Перевод научной работы с русского на английский язык она закончила, осталось только правильно оформить ссылки и упорядочить химические формулы. Заболоцкая работала пока глаза не стали разбегаться в разные стороны, а пальцы не соскальзывали на другие кнопки в клавиатуре. Виски делали своё гадкое дело. Поняв, что дальше рискует только загубить весь труд, сохранила перевод и, не выключая компьютер, снова отправилась на кухню. Она часто так делала, зная, что через какое-то время монитор перейдёт в спящий режим. Лиза вернулась к бутылке с виски. Плакать уже не хотелось, наоборот душа потребовала веселья. Мысленно она уже распределяла планы на завтра. Прикинула, что посвятит день себе, сделает свежий маникюр, пригласит знакомую косметичку на дом. Та сделает массаж во всех возможных местах, наложит маски, обернёт шоколадом и к вечеру снова куколка! С такими оптимистичными мыслями, прихватив полупустую бутылку и рюмку, Лиза перебралась в гостиную и на всю катушку включила музыку. Мурзик услышав грохот, вышел из спальни и уставился сонными глазами на бьющуюся в ритмах хозяйку. Неожиданно в перерывах между треками девушка услышала, что во входную дверь кто-то ломится. Она сбавила громкость и безбоязненно направилась в прихожую. Дом элитный, с охраной

и шлагбаумом, проживают люди сплошь интеллигентные и важные, кого бояться! Лиза распахнула дверь и увидела здорового мужика. Он бесцеремонно отодвинул хозяйку и кинулся внутрь квартиры. От неожиданности Лиза растерялась и двинулась следом за наглецом со словами:

– Вы что себе позволяете! Вы кто такой?

Мужик, не обращая на неё внимания, вихрем пронёсся по коридору и рывком дёрнул дверь в ванную комнату, из которой вместе с паром хлынула вода.

– Тряпки давай, дура, ты меня заливаешь!

Разъярённый гость закрыл кран и, не засучивая рукава рубашки, вынул пробку из сливного отверстия. В это время Лиза носилась по квартире, не зная, что предпринять и ругая себя последними словами. Ну как можно было не закрыть воду после разговора с матерью? Это всё она виновата, задолбала со своим контролем! Ещё эта Жаннка! В итоге оказались виноваты все, кроме неё самой, от этого в районе груди запузырилась злость не понятно на кого, наверное, на не устроенную личную жизнь.

– Бери полотенца, собирай воду! – зло рыкнул мужик. – Бывают же идиотки!

– Сам козёл! – огрызнулась Заболоцкая, сдёрнула с крючка полотенце и бросила на пол.

– Э, так ты ещё и алкоголичка? – мужик остановился, упёр мокрые руки в бока и криво ухмыльнулся, глядя на растрёпанную соседку. – Короче так: сейчас сама собираешь во-

ду, завтра я приглашаю экспертов, чтобы установить сумму ущерба в своей квартире, а после ты получаешь уведомление о затратах на ремонт. В противном случае судебный иск.

Заболоцкая сгребла с пола полотенце, с которого лилась вода, бросила в ванную, запястьем вытерла пот и пьяно проговорила:

– Пошёл вон! – злость в груди продолжала клокотать. – Ты кто такой, чтобы указания раздавать! Козлина рыжая!

– Скажи спасибо, что я баб не бью, а очень хочется двинуть тебе под глаз, чтобы совсем стала похожей на привокзальную алкоголичку! – сосед остановил взгляд на дизайнерском маникюре, усмехнулся и двинулся в прихожую, шлёпая тапками по воде. – А в управляющей компании мне сказали, что люди здесь живут интеллигентные. Тебя-то как сюда занесло, чумичка? – мужик остановился, повернул голову и посмотрел на неё сверху вниз с усмешкой. – Я понял, тебя какой-нибудь высокопоставленный папик сюда поселил! А что центр города, видно навещает тебя в обеденный перерыв для утех! Или сама в элитном доме устроилась, чтобы клиентов обслуживать?

– Пошёл вон! Козлина рыжая! – уже громко повторила Елизавета. – А то сейчас полицию вызову!

– Вызывай кого хочешь, но если не возместишь ущерб, я тебя в порошок сотру! Да, – он снова повернулся и произнёс с язвительной усмешкой на губах, – завязывай с алкоголем. Бабы быстро втягиваются и редко излечиваются!

Сосед вышел, громко хлопнув дверью. Лиза, не обращая внимания на угрозы мужчины, резво собирала полотенцем воду и выжимала в ведро. Последствия потопа были ликвидированы за час с небольшим. Девушка загрузила мокрые тряпки в барабан стиральной машины, достала из шкафа и повесила сухие полотенца, вытерла руки и отправилась на кухню.

«Всё через колено, – печально размышляла Заболоцкая, – что-то не складывается в жизни, даже по мелочам».

Она опустошила бутылку с виски и отправилась в спальню, где Мурзик нагрел подушку своим тельцем. При виде хозяйки он поднялся, потянувшись, выгнул спину, сладко зевнул и, дождавшись, когда Лиза устроиться на кровати, пристроился у её плеча. Странно, но, ни Мурзик, ни Лиза не слышали, как щёлкнул замок, дверь тихо отворилась, и в квартиру вошли тёмные фигуры.

Глава 2

Соловьёвский считал себя баловнем судьбы, несмотря на то, что осознанное время прожил в не полной семье. Отец ушёл от них, когда Алёше исполнилось лет восемь. Точную дату он не помнил, хотя образ отца сохранился. Он был человеком субтильной наружности и таким же слабым по характеру. Мать разговаривала с ним властно, звала Рудиком и помыкала мужиком, словно он и не муж вовсе, а прислуга в доме. На самом деле, Рудольф не считал себя слабым и подкаблучником, просто ему легче было согласиться с женой, чем сопротивляться шумным скандалам. И все же в один прекрасный момент, он не выдержал, тихо собрал жалкий чемодан и отбыл в неизвестном направлении. С тех пор о его существовании напоминали только денежные переводы, которые Рудик присылал на содержание сына. Переводы не прекратились даже тогда, когда Алексей окончил школу и пошёл учиться в Университет и позже, когда получил диплом о высшем образовании и когда в первый раз женился. Соловьёвский не знал, как долго мать ещё получала деньги, потому что некоторое время отсутствовал, работал по контракту в Соединённых Штатах Америки, а когда вернулся, уже вопрос об отце не поднимал. Да и зачем? Ему оказалось легче сбежать от прессинга жены, куда как труднее оказывать сопротивление, отстаивать свою точку зрения и

участвовать в воспитании сына. В некоторые моменты Алексей остро нуждался в отцовском плече, а он лишь откупился деньгами. По большому счёту, Соловьёвский не держал обиды не на мать, не на отца. Так случается, что люди просто не могут жить вместе. В школе почти половина одноклассников пережила разрыв родителей, измены и скандалы. В тот момент, когда сам решился на развод с первой женой, он часто вспомнил себя и ставил себя на место сына. Родители за склоками зачастую даже не подозревают, что ребёнок переживает разлад очень тяжело, разрываясь между матерью и отцом. Алексей Рудольфович не хотел походить на отца, он занимался тяжёлыми видами спорта, всегда отстаивал свою точку зрения и шёл напролом. В тот день, когда его чемоданы стояли у порога квартиры, Соловьёвский обнял сына и сказал, что всё возможное время он будет проводить вместе с ним, достал из кармана кнопочный телефон «Нокия» сунул в руку пятилетнему мальчику и наказал звонить в любое время дня и ночи. Позднее, через много лет, парень, оставив мать в Америке, перебрался жить в Россию, даже поселился неподалёку от отца.

Соловьёвский женился вторично на дочери известного художника, на девушке не яркой наружности, не яркого таланта, зато сдувающей пылинки с мужа и воспитывающей четверых детей. Незачем фонтаны разводить на отдельно взятой жилплощади! Одной звезды в семье достаточно! И эта звезда он – Соловьёвский! Алексей Рудольфович гордился

еврейскими корнями, правда какое-то время не афишировал сей факт, но став популярным и известным в определённых кругах неожиданно решил сменить фамилию на материнскую – Кушникович. Ещё в Университете он начал изучать Тору. Неожиданно пришло понимание, что иудаизм не мировоззрение, обитающее в пространстве, которое можно поселить в сердце. Это не вопрос веры или неверия, а самая что ни на есть реальность, встроенная конкретно в природу человека. Девять месяцев тесно переплетены души матери и ребёнка. Девять месяцев из плоти матери формируется зародыш, приобретая скелет и внутренние органы. Выходя из материнской утробы, вместе с душой и телом, ребёнок получает от неё свою еврейскую принадлежность. И всё же в последний момент он остановил свой порыв. Фамилия журналиста Соловьёвского уже стала достаточно узнаваемой и перемены в имидже могли бы ввести зрителей в заблуждение. Алексей долго и тернисто шёл к своей славе. Несмотря на то, что у него не было ни секунды свободного времени, а эфиры с его участием смотрели миллионы, ему казалось, что настоящей славы он так и не достиг. Наверное, именно эта жажда заставила согласиться на новый телевизионный проект. К записи третьей передачи, он пожалел, что ввязался в ток шоу, но уже контракт связывал по рукам и ногам. Шоу оказалось слабое и бездарное с клиническим идиотом-ведущим, но собирающее высокий процент просмотров. Народу нравилось заглядывать в замочные скважины, наблюдать за интимными

подробностями и скандалами публичных людей. Пенсионеры и домохозяйки с упоением наблюдали, как в эфирах препарировались чужие проблемы, отчего свои невзгоды казались ерундовыми. Соловьёвский выступал в программе в качестве приглашённого эксперта. Его заранее предупреждали о теме передачи и всё же по ходу действия приходилось импровизировать, вступать в споры не только с гостями, но и с своими соведущими.

Сегодня он откровенно скучал. Тема оказалась без особой интриги. Разборки касались одной неблагополучной семьи. Родители никак не могли поделить сына. Муж тайно вывез паренька в одну из арабских стран, не позволяя жене видеться с собственным ребёнком. Женщина, не стесняясь камер, рыдала, падала на колени и умоляла мужа вернуть кровиночку на родину. Студия разделилась на два лагеря, потому что муж – гражданин Ирака справедливо считал, что Ирак такая же родина для мальчика, как и Россия. Лысый, с курчавой густой бородой, коренастый араб лет тридцати пяти неумолимо стоял на своём, гневно зыряка чёрными глазами в сторону женщины, да и вообще на всех, настроенных против него. По ходу передачи выяснилось, что жена спуталась с соседом, чего не смог перенести гордый мусульманин. Несмотря на международную тему, запись шла вяло и не интересно. Во время рекламы Алексей Рудольфович направился в гримёрку, чтобы выпить воды, и в коридоре столкнулся с редактором.

– Алексей я к тебе.

– Говори быстро, через три минуты надо возвращаться в студию.

– Ты видишь, что программадохнет. Задай жару! Руководство канала предупредило, что в случае снижения рейтинга, программу закроют. Не дай пропасть, а то у меня великие планы и договорённости с известными личностями.

В такой просьбе не было ничего удивительного, но для Соловьёвского она прозвучала, как слово «Фас» для собаки. Он махнул рукой, показывая, что предпримет все усилия по спасению шоу, заскочил в кабинет, глотнул холодной воды из пластиковой бутылки и вернулся в студию.

Вторая часть записи пошла в более интенсивном режиме. Соловьёвский задавал много вопросов, обращаясь то к изменщице жене, то к мужу мусульманину. Он ставил в тупик некогда дружную семейную пару. Неожиданно в зале появился бывший любовник женщины и поведал о причинах расставания с дамой сердца. Иракец не менялся в лице, но в глазах горело торжество. По ходу выяснилось, что любовные отношения не носили характер измены. Когда-то молодые люди хотели пожениться, но что-то пошло не так и они расстались! И разрыв этот произошёл задолго до встречи иракца и русской. После обнародования фактов, которые опровергли подозрения в неверности, настала очередь женщины выгнуть гордо спину.

Заключительная, третья часть накалилась докрасна! Сту-

дия возмущалась, местами негодовала, интервьюеры перекрикивали друг друга, иногда скатываясь до открытых оскорблений. Здоровые охранники стояли в кулисах, невидимые камерам и готовые в любой момент кинуться в аудиторию для силового урегулирования конфликта. Алексей Рудольфович уже потерял интерес к примитивной истории, у него через два часа в соседней студии должно состояться политическое ток шоу, надо бы поберечь силы, но остановиться он уже не мог. Журналист привык доводить дело до конца, до кульминации, до эффектной развязки со скандалами, рёвом, иногда и мордобоем. На то и такой формат – ток шоу. Мать иногда укоряла за то, что он как факел, она увещевала сына распределяться по жизни, беречь силы и энергию. Ведь так не далеко и сгореть, как говориться, на работе! Алексей кивал, гладил мать по острому плечу, соглашаясь. Сам же понимал, что именно такой он нужен центральному телевизионному каналу. Он вёл программу на радио, записывал видео – ролики для интернет – изданий, а на телевидении почти жил! Работоспособности Соловьёвского завидовали многие, потому что и престижные премии в сфере телевизионной журналистики из года в год получал именно он! Его цитировали, к нему прислушивались и в то же время ненавидели!

Соловьёвский тряхнул головой и мысленно прокрутил историю распавшейся семьи. Мужчина приехал в холодную страну из Ирака по делам торговым, встретил девушку, влю-

бился, быстро решил вопрос с заключением брака, а вскоре у них родился сын. Жили неплохо. Несмотря на какой-то странный бизнес иракца, богатствами семья не владела. Алексей поднялся над ситуацией и понял суть происходящего. Мусульманин прибывает в Россию и самый простой способ адаптироваться, осесть и легализоваться в чужой стране, это найти женщину со своей жилплощадью, как будто влюбиться, потом жениться и прописаться. Если появятся дети? Ничего страшного, дети подарок неба! Когда дети мешали мусульманину, тем более мальчики!

Журналист зашёл с другой стороны и начал выяснять у женщины подробности жизни с мужем. А уж от вопросов застыли зрители и даже осветители и операторы, не говоря о тех, кто замер за стеклом звуковой студии.

– Вы ругались между собой?

– Как все. Ругались иногда, – женщина пожала плечами.

– Вы знаете, каким бизнесом занимался ваш муж?

– Нет. Я как-то спросила, он ответил, что не моего ума дело, мол, занимайся ребёнком и хозяйством! Мужчина должен деньги в дом приносить!

– И он приносил?

– Приносил, – женщина опустила глаза. – На еду хватало.

– Вот именно, что на еду! По вам не скажешь, что вы роскошествуете! – журналист обратился к иракцу, который, кстати, достаточно прилично говорил по-русски. – Чем вы занимаетесь?

– Торговлей, – у араба не дёрнулся ни один мускул на лице. – У меня на Замоскворецком рынке небольшой отдел.

– Сколько лет вашему сыну?

– Восемь, – встряла женщина, хотя вопрос адресовался не ей. – Помогите вернуть моего мальчика!

– Вы давали разрешение на вывоз ребёнка за границу?

– Нет! Думаю, он перевёз его через одну из азиатских республик СНГ.

– Чем ваш муж занимался, когда был свободен? – журналист обратился к русской, не отводя взгляда от лица иракца. – К нему приходили друзья?

– У него почти не было свободного времени, он отсутствовал, говорил, что работает. А друзья приходили иногда, но чем занимались, я не знаю, они закрывались в дальней комнате.

– Может, выпивали, играли в карты, смеялись?

– Ну что вы! Он правоверный мусульманин!

– Вас он хотел обратить в свою веру? – Соловьёвский наконец повернулся к женщине. – Вы православная? Ваш сын, какой религии придерживается?

– Вообще он не настаивал, чтобы я сменила верование, но дома у нас есть Коран. А с сыном он ходил в мечеть, – женщина смутилась, – муж мой мусульманин, он имеет право решать, какой дорогой пойдёт его дитя!

Неожиданно на огромном экране появилось видео. На жёлтых безбрежных песках в чёрных одеждах, закрывающих

всё тело кроме глаз, возвышались фигуры с автоматами в руках. Они стояли в ряд, держа за шею перед собой коленопреклонённых мужчин. Неожиданно дула автоматов упёрлись в затылки людей, раздались выстрелы и над песками гулом пронёсся хор голосов:

«Аллах акбар»!

Сам процесс массового кровавого убийства был щадяще купирован, но пошли следующие кадры, где подростки в лагере смертников разбирают автоматы, учатся боевым искусствам и ловко орудуют ножами. Студия замерла. Выдержав несколько секунд, Соловьёвский прервал молчание:

– Вот такую дорогу вы хотели для своего сына?

Женщина не ответила, лишь полными ужаса глазами смотрела на уже пустой экран.

– Я думаю, что стоит обратиться в Генеральную прокуратуру, для выяснения поля деятельности данного гражданина и уточнить, не состоит ли он в какой-нибудь террористической организации! – журналист повернулся к залу, махнув рукой, прекращая поднявшийся шум и гвалт. – Ведь благодаря нашей халатности и пассивности произошёл взрыв на железнодорожном вокзале в Волгограде и террористический акт в метро Санкт-Петербурга. Эти люди не берутся ниоткуда, они живут среди нас! Наша задача их выявлять и передавать в специальные органы, пока не случилось страшное! Я же в свою очередь буквально завтра обращусь в пограничные службы, для того, чтобы сделать невозможным пересечение

границы этой личности до выяснения всех обстоятельств дела.

Журналист, как дирижёр закончил речь на жёстких нотах. Тут, откуда ни возьмись, появился ведущий и, объявив о конце программы, пожелал:

– Берегите себя и своих близких!

Уже подходя к гримёрке, Алексей почувствовал, что кто-то ухватил его за руку. Он повернулся и увидел перед собой несчастную женщину. Из глаз её лились слёзы:

– А что же теперь с моим сыном? Как я могу его вернуть?

– Вы знаете, это не в моей компетенции, – Алексей высвободил руку. – Самый лучший выход, это обратиться в Генеральную прокуратуру.

Соловьёвский вошёл в кабинет и запер дверь. Вообще, его уже не интересовала эта история, мысленно журналист перебирал план проведения очередной программы. Открыв компьютер, руки быстро начали набрасывать вопросы для экспертов. Тема была обговорена заранее, а вот даже самый незначительный вопросик, мог увести политическое ток шоу в другие дебри. Надо предусмотреть всё!

***

Он устал, невероятно устал! Ну, что, казалось бы, не в шахте уголь отбивал отбойным молотком, не мешки с цементом перетаскивал, а языком молот. А вот пойди-ка помоли, да так, чтобы «Тэфы» из года в год получать! Его не утомляли камеры, многочасовое стояние на ногах, каждый

раз Алексей испытывал стресс от груза ответственности. Он не мог позволить себе провала или скуки. Журналист считал своей целью формирование общественного мнения на те, или иные публичные вопросы. В начале телевизионной карьеры Соловьёвский был корректен, не позволял себе грубых или резких высказываний и зачастую сглаживал острые углы в спорах аналитиков, которые присутствовали на передачах. Он сам не заметил, как манера ведения программ стала жёстче и агрессивнее. Иногда журналист мог позволить себе в грубой форме выставить за пределы студии гостя, чьё мнение радикально рознилось с его видением вопроса. Если бы владельцы канала поставили ему на вид неуместность такого вещания, то он сменил бы тактику. Но все молчали, рейтинги, благодаря скандалам поднимались, а у журналиста Соловьёвского появилась армия слушателей, зрителей, поклонников, сторонников и, в то же время, немало тех, кто его презирал и даже ненавидел!

Алексей, развалившись, сидел в кресле. Он вытянул гудящие ноги, скинул туфли, покрутил стопами и, глотнув воды из бутылки, посмотрел на настенные часы. Восемь вечера. Завтра выходной, можно поспать дольше, но обязательно подпрыгнет по привычке в шесть тридцать. Уже проверено! Каждый раз приказывает себе выспаться, но в половине седьмого, сна, ни в одном глазу. Завтра традиционный Шаббат, жена накроет стол, зажжёт свечи с благовониями. Только бы мать не приехала, так хочется побыть в состоянии по-

коя и ни с кем не разговаривать. А вот в синагоге на молитву «Минха» появиться надо. Где же, как не в общении с Владыкой Вселенной брать силы на движение вверх.

На улице уже ждала машина с водителем. Алексей любил водить, но утром берёг силы, а вечером очень уставал. Утром предпочитал по дороге готовиться к репортажам, пролистывая материалы, а вечером просматривал мировые новости. Раньше руки переключали листки печатного текста, а сейчас, только палец скользил по экрану последней модели навороченного гаджета. Неожиданно картинка затормозила и раздалась глухая вибрация – кто-то пытался до него дозвониться. Разговорам по телефону Алексей почти не уделял время: во-первых, потому что не имел для пустого занятия лишней минуты, во-вторых, он жалел даже секунду на пустую болтовню. Жена, мать и все близкие знали об этом и не отвлекали, а по важным вопросам присылали сообщения. Значит, с ним пытается связаться тот, кому обязательно надо ответить. Соловьёвский глянул на номер, ухмыльнулся и немедленно отозвался:

– Добрый вечер Игорь Исламович. – телеведущий автоматически подтянулся, и сунул ноги в туфли. – Рад слышать!

– Привет Алексей. Давай без пиететов. Видел сегодняшний эфир. Ты переплюнул всех! Надо же из простого семейного скандала выйти на тему международного терроризма! Как ты умудряешься загнать героев программы в угол?

– Ну, двигаться по овалу без острых перипетий скучно и

нам и зрителю!

– Ты прав! Умеешь, ничего не скажу! Мастер!

– А как вечерняя программа?

– Вот об этом мы говорим с тобой в другом месте!

Голос генерального директора федерального телевизионного канала звучал бодро и оптимистично, но журналист напрыгся. Он по опыту знал, что высокопарные ноты и похвалы зачастую заканчиваются печальной точкой.

«Это как при расставании с женщиной, говоришь, насколько она хороша, прекрасна и благодарность за годы, проведённые вместе, переполняет сердце! Но настало время расстаться, потому что он уже не тот, стар и не интересен. И в душе так счастлив за того, кто составит судьбу с такой прекрасной женщиной».

Не к месту в голове всплыл образ Елизаветы. Именно такие слова, ну может немного в других интерпретациях он говорил ей при расставании. Образ женщины ещё бередил сердце и приходил в сновидениях. Хорошо, что у него крепкий сон, и язык в бессознательной дрёме не бурбит что попало, иначе жена могла бы предъявить претензии. Они расстались не так давно, и он ещё нуждался в её объятиях. Собственно он нуждался в ней не как в сексуальной партнёрше, то есть не только. Алексей любил её. С такими трудно, но интересно. Ухоженная эффектная девушка с прекрасным образованием, дома превращалась в уютную, тёплую жилетку. Они много говорили, естественно не касаясь глу-

боко личного, часто урывками путешествовали, он дарил дорогие подарки, она с благодарностью принимала их и радовалась каждому колечку, хотя у самой (Алексей заглядывал в шкатулку) имелась целая коллекция ювелирных украшений от «Картье». Всё бы ничего, но Лиза захотела быть для него всем, именно это и стало причиной расставания. Их отношения просуществовали довольно долго именно потому, что девушка совсем не интересовалась политикой, не смотрела ток шоу и понятия не имела, насколько он популярная личность! Поэтому не превозносила его таланты, не стелила перед ним ковры лести и восхваления. Их отношения могли продолжаться ещё долго. Ну, зачем Лиза захотела большего?!

– Ты меня слышишь?

Голос Синявского вернул его в реальность.

– Внимательно слушаю! – прокашлялся Соловьёвский. –

Так вы говорите, надо встретиться?

– Ты что-то ещё планировал на сегодняшний вечер?

– Только отдых.

– Вот и прекрасно! Через сорок минут жду тебя в ресторане «Роза ветров». Столик уже заказан, приглашаю я, значит, и плачу я! Как говорить, кто платит, тот и танцует девушку! – Синявский глупо хихикнул и отключился.

– Танцор херов, – буркнул Алексей, пренебрежительно и зло, отбрасывая от себя телефон. Аппарат заскользил по гладкой столешнице и уткнулся в зеркало, обрамлённое мяг-

кой световой рамой. Он приблизил лицо к отражению, рассматривая сеточку вокруг глаз. Усталость сквозила в морщинках, в носогубных складках и параллельных линиях лба. Соловьёвский пощипал кожу на лице и шее, разгоняя кровь, подержал несколько секунд указательные пальцы в уголках глаз в районе переносицы, снимая усталость и напряжение. Потом лёгкими движениями прошёлся по линиям скул, восстанавливая кровообращение, наконец, повертел головой, сделал несколько вращений плечами и, услышав хруст затёкших позвонков, легко поднялся, пружинисто подпрыгнул пару раз и взял телефон.

– Эмма не жди меня к ужину. Образовались дела.

– Неужели? – голос жены прозвучал как-то странно. – О твоих делах я узнаю последней. Оказывается, в курсе все, кроме меня.

– Я не понимаю, ты о чём? – Алексей оторопел от интонаций жены. Она редко позволяла себе такие ноты при общении с мужем. Разве только в глубоком раздражении или недовольстве, но такое случалось редко – он повода не давал. Неожиданно Соловьёвский разозлился, все что-то хотят от него! – Эмма, когда я вернусь, мы можем обсудить. Сейчас у меня нет времени, а больше всего желания!

– Ну, ну, смотри, а то вернёшься к разбитому корыту! Учти, Соловьёвский, детей я заберу с собой, и ты знаешь, мне есть куда уйти!

– Эмма, стоп! Я не понимаю, что происходит, но у меня

совсем нет времени выяснять отношения, тем более по телефону. Синявский пригласил для серьёзного разговора в ресторан.

– А, это сейчас так называется! Серьёзный разговор! Учти, – повторила жена, – самый серьёзный разговор ожидает тебя дома!

Жена отключилась. Соловьёвский потёр виски. Захотелось хлопнуть грамм пятьдесят коньяка, но он отогнал соблазн. Удары судьбы нужно принимать, трезво оценивая ситуацию. Журналист не предполагал о чём пойдёт речь в ресторане, а вот что произойдёт дома, он догадывался – Елизавета, его нежная, хрупкая Лиза оказалась железнее, чем он представлял, и, несмотря на увещевания, представила доказательства его измены. Непонятно, что именно! Они никогда не фотографировались вместе, не появлялись в общественных местах, в коротких поездках за рубеж, он выбирал уединённые места и закрытые пляжи, подарки и ювелирку оплачивал через закрытую корпоративную карту. Ничего, семейный вопрос он решит быстро, главное чтобы не подставил подножку генеральный директор канала. Он почти на Олимпе, нельзя позволить разрушиться той лестнице, по которой он так тяжело взбирался к пику. Собственно и работу он найдёт себе быстро при его-то славе и популярности, только уже не хочется, как Сизиф затаскивать камень наверх. Журналист слышал разговоры в кулуарах о том, что дела на канале идут совсем неважно. Благодаря то ли неумелому руковод-

ству, то ли по другой причине финансовые проблемы возникали, время от времени, но сейчас канал несёт приличные убытки.

***

В машине Соловьёвский неожиданно для самого себя задремал. Словно кто-то отключил кнопку для подзарядки, обеспечивающую жизнедеятельность тела и мозга. Сквозь глубокую пелену донёсся голос водителя:

– Алексей Рудольфович мы на месте.

Журналист встрепенулся, потёр лицо ладонями и потянулся. За тонированными стёклами сверкал вдоль всего фасада повторяющийся синий неоновый символ розы ветров. Алексей не ждал, когда шофёр – крупный мужик с непроницаемым лицом, откроет дверь. Он запретил холуйские штучки, и всё же в обязанности Федота помимо управления автомобилем, входила и сфера безопасности клиента. Подъезжая к крыльцу, водитель намётанным глазом оценивал ситуацию вокруг. Важная птица, которая потягивалась на заднем сиденье, не представляла большого интереса для террористов или убийц другого рода, он не политик, не олигарх, не банкир, однако личность очень известная, медийная, одиозная, и мало ли сумасшедших может нанести ему вред. Федот оценил ситуацию по боковым зеркалам, зеркалу заднего вида и мысленно с собой согласился: убивать журналиста не станут, кому он нужен, а вот больные на голову, которые по убеждениям захотят покалечить, таких найдётся немало.

– Я буду ждать на парковке перед рестораном, – могучая шея не позволила голове повернуться. Вдруг журналист ковыряет в носу или чешет в непотребном месте. Его задача оценить ситуацию за пределами автомобиля, а не следить за манипуляциями клиента.

– Можешь заняться своими делами. Здесь я проведу не менее двух часов, если освобожусь раньше, предупрежу метрдотеля, чтобы вызвал тебя.

Журналист, не надевая куртки, прихватил портфель и вышел из автомобиля. Возле дверей квадратные охранники почтительно расступились. На их лицах не мелькнула ни одна эмоция, но по глазам Соловьёвский самовлюблённо понял, что они узнали его. Его встретил метрдотель и с достоинством поклонился:

– Нас предупредили о вашем визите. Большая честь! Пойдёмте я вас провожу.

Если физиономию Соловьёвского не видел только слепой, то генерального директора канала мало кто знал.

«Так и получается, что главные герои всегда находятся в тени, – с усмешкой думал Алексей, подходя к столу и протягивая руку Синявскому. – Да, выглядишь, дружок, неважно! Спишь мало, куришь много и пьёшь неразумно, вон даже щёки подёрнулись сеточкой лопнувших сосудов».

– Привет Алексей, – Синявский приподнялся и пожал руку журналисту. – Что будешь пить? Я вот заказал французского красного! Знаю и ты не равнодушен к Франции, слы-

шал, даже домик на южном берегу моря прикупил.

– Готовлю плацдарм, – улыбнулся Соловьёвский одними губами и устроился напротив начальника. – Чтобы на пенсии было, где погреть кости.

– Далеко заглядываешь! Пока журналист востребован, он не остановится! Знаю я вашу братию. Ну, так что выпьешь? – Игорь Исламович перевёл разговор в тот момент, когда официант замер возле стола.

– Я, пожалуй, возьму «Альянико», – Алексей глянул на официанта снизу вверх. – Красное вино лучше всего подойдёт к жаркому из баранины, – он перевёл взгляд на вышестоящего коллегу. – Вы уже заказали что-нибудь?

– Нет, ещё не заказал, ждал тебя. И прекращай выкать! Мы с тобой договорились!

Синявский махнул рукой как-то пьяно. Соловьёвский даже удивился, как быстро половина бокала сморила генерального директора. А может мужик начал гораздо раньше?

Ели в тишине. Синявский вяло возил по тарелке мясо, а журналист, покрасневшись от лёгкого алкоголя, поглощал пищу с огромным удовольствием. Когда Алексей отодвинул от себя тарелку с приборами и промокнул рот салфеткой, Игорь Исламович вздохнул с видимым облегчением – наконец можно перейти к разговору. Он начал издалека, не торопясь и подбирая слова:

– Алексей мы с тобой знакомы давно и ты знаешь мои профессиональные качества, – генеральный не ждал ответных

реплик, он даже не смотрел на собеседника, проверяя, слышит ли он его, он говорил осторожно, вытягивая слова, словно откуда-то изнутри. Неожиданно мужчина прокашлялся и перевёл разговор в другое русло. — Ты знаешь, из каких источников финансируется наш канал?

Соловьёвский отрицательно мотнул головой, снял с колен салфетку, скомкал, положил на стол и незаметно огляделся. Нельзя допустить, чтобы приватная беседа коснулась чьих-то посторонних ушей. Тема, в которую вовлекал генеральный директор, занимала журналиста, но поскольку-поскольку. Он старался не лезть в финансовые дела канала, и всё же ухо улавливало то там, то сям смутные намёки, что вещание не приносит прибыли, более того, канал несёт убытки. Алексей ухмыльнулся одними глазами, представляя, куда клонит собеседник — рыба гниёт с головы, да только чистят её, как правило, с хвоста. Генеральный директор канала слишком долго сидел в кресле руководителя и совсем потерял чуйку, от того и убытки! Только чистку рядов начнут с простых журналистов. Неужели и его затронет участь изгоя? Несмотря на коварные мысли, лицо не выдало никаких эмоций. Алексей давно научился владеть мимикой и лишь губы плотно сжались, а глаза продолжали излучать дружелюбие.

После недолгой паузы Игорь Исламович отпил из бокала и продолжил:

— Ты человек творческий, в денежные дебри не лезешь. У тебя дети, жена красавица, дом прекрасный, да ещё прику-

пил виллу во Франции. – Слышал и раритетные авто в гараже стоят вроде «Ламборджини», – Синявский заговорщицки подмигнул. – Наверное, и виноградники хочешь разбить на территории поместья?

– Были такие мысли, – кивнул Соловьёвский, и растянул губы в улыбке. – Не пойму к чему вы, то есть ты клонишь?

– К тому, что на содержание семейства, домов, усадеб нужны огромные средства. Ребятам нужно отличное образование и желательно где-нибудь в Англии или во французской Сорбонне.

– Это так, – снова кивнул журналист, чувствуя себя китайским болванчиком.

– Давай договоримся на берегу, что не станем тратить время на обсуждение журналистской этики, свободы творчества и прочую муру! Как и во всяком государстве, именно госструктуры диктуют цели, задачи и освещение политических интересов страны под правильным ракурсом. Руководство канала не скрывало, что некоторые твои авторские программы не соответствуют формату, многие высказывания вступают в противоречия с политической стратегией правящих структур, поэтому такие передачи мы не пускали в эфир. Ну, а в остальном ты молодец! Чувствуешь стратегию момента!

От предисловия, не сулящего ничего хорошего, у журналиста заняло под ложечкой. Он подумал, что этот бакалейный, разъявшийся ген дир сейчас предложит освободить место или перейти на другой плацдарм для деятельности, или

того хуже, просто уволит. Вроде того, что нагрёб ты достаточно и на виллу, и на виноградники, пора и честь знать! Соловьёвский готовился к худшему, но беседа пошла совсем по другому сценарию, к которому журналист совсем не был готов.

– Так вот, вернёмся к структуре финансирования нашей сетки вещания, – руководитель канала подобрался, словно приготовился к прыжку. – Часть средств мы получаем напрямую из бюджета, часть от некоторых госкомпаний и корпораций, некоторую прибыль получаем от продажи рекламы, ну и так по мелочи. Лет десять тому назад от рекламы мы получали большую долю дохода, сейчас прибыли сократились в разы. Объясню почему. Уж, коль мы берём деньги у государства, то и понятие рейтинга несколько размывается. У канала не может быть собственной линии или политики, эти правила диктует нам тот, кто заказывает музыку, а конкретно, кто финансирует. Мы вынуждены отказываться от рейтинговых программ, например острых политических дебатов с оппозиционными структурами, сатирических выпусков типа «Куклы» и тому подобное, поэтому теряем зрителя. В противном случае или сменят руководство, или мы перестанем получать деньги из бюджета и госкорпораций, или просто закроют канал, превратив его из канала в анал! Тем самым государство, привнеся цензуру, лишает нас рейтинга и популярности, зато щедро восполняет падение доходов за политическую лояльность! И сам понимаешь, какой серьёз-

ный рекламодатель начнёт катать рекламу в эфире, если причёсанный канал никто не смотрит!

Синявский замолк и жестом подозвал официанта. Тот бесшумной мухой подлетел к столику. Генеральный взглядом обратился к журналисту, тот махнул рукой, и прикрыл ладонью полупустой бокал.

– Принеси ещё вина, – Игорь Исламович проводил взглядом официанта и вернулся к разговору. – Теперь ты понимаешь, почему в сетке вещания такие передачи, как «Прямой эфир», «Пусть говорят», «Мужское и женское», «Давай поженемся». Мы поднимаем рейтинг за счёт скандала. Артисты шоу бизнеса рассказывают про себя такие небылицы, закачаешься! Смотрел последний «Секрет на миллион»? Что, ты, просто конфетка – бывшая прима балерина Большого театра поведала, как на духу, с кем спала, сколько денег за это получала, и какие подарки олигархи ей преподносили! Ты мог представить себе раньше, чтобы в таком храме искусств, как Большой театр служили, попросту говоря бляди! Вот смотрит дядя Вася с тётей Люсей такой кордебалет и думают: а ведь мы и ничего, не дерёмся, детей в приютах не оставляем, правда выпиваем, так это, по сравнению с тем, что происходит в благородных семействах просто пуританская жизнь! Или сидит семья вокруг стола, ест варёную картоху, а за окном бараки рядами и собаки бродячие, а по телеку идёт программа, где журналисты наперебой показывают, как в Украине люди бедствуют, как Африка загнивает. И ло-

пается семейка от гордости за страну, ведь в космос летаем, свой сыр производим и всё в стране хорошо, правда до самого-самого хорошо, потерпеть немного придётся! А ещё лучше мы их задавим патриотизмом. Для влияния на умы, как ты знаешь, рычагов множество! Будем гордиться прошлым, потому что, пока в настоящем нет лона, где бы родилось и возродилось чувство гордости за великую страну, но об этом догадываются немногие!

Директор снова притих, наблюдая, как к столику движется официант с подносом. Он небрежно махнул рукой, отгоняя разносчика, и сам налил из бутылки в бокал.

– Ну, вы же не за этим пригласили меня на ужин, – журналист, сам того не заметив, снова перешёл на «вы», он не хотел развивать скользкую тему. – Всё это не новость, я как говориться, на передовой и прекрасно отдаю себе отчёт, на чью мельницу лью воду.

– Ну, вот мы и перешли к главной теме беседы, – директор залпом выпил бокал и промокнул салфеткой рот, от чего на белой ткани растеклись бурые пятна.

«Словно кровь», – мелькнуло в голове Соловьёвского. Его начала настораживать странная встреча.

– Так вот, ты многодетный отец. В деньгах особо ты не нуждаешься, но они никогда не бывают лишними. Я понимаю, какими силами тебе они достаются – работа на телевидении, радио, свой стрим – канал в интернете, ещё надо дать время семье, и собственному здоровью. Тебе, Алексей да-

леко за пятьдесят, скоро ты начнёшь уставать, – Синявский приблизил лицо к глазам журналиста. – Вон, мешки под глазами, – директор снова отвалился на спинку стула. – Короче, предлагаю тебе сгруппироваться и забрать под своё крыло новостную сетку.

Повисла пауза. Рука журналиста потянулась к бокалу с вином. Он вылил в себя остатки и выдохнул со словами:

– Неожиданно! – в голове замелькали заманчивые перспективы. Соловьёвский ещё до конца не осознавал, насколько может измениться жизнь. Он снова шумно выдохнул. – Но очень трудно совмещать работу журналиста, блогера и радиожурналиста с руководящей должностью. У меня просто не получится выходить в эфир пять раз в неделю!

– Так и не надо! Оставишь себе воскресный выпуск, а остальное время занимайся новостной политикой канала. В твоих руках целый штат сотрудников, операторов, журналистов, ведущих! Сам понимаешь, это другая власть, другие деньги! Да и ко всему прочему персональный автомобиль с водителем, так же к твоим услугам Суперджет из Газпромского ангара и прочие прелести жизни! На своё место воспитаешь талантливую смену, передашь, как говорится, навыки и умение.

– Заманчивое предложение. Подозреваю, что на моём месте никто бы не отказался!

– А никто бы здесь даже раздумывать не стал! Нужен проверенный человек со стопроцентным кредитом доверия! Я

долго присматривался к тебе и понял, что только ты достоин этого места.

– Куда же девался прежний руководитель?

– А, не забивай голову. Он вышел из строя, лежит в израильской клинике с инфарктом.

Соловьёвскому не понравился легкомысленный тон шефа по столь печальному состоянию коллеги, но он не акцентировал на этом внимание. Его мысли будоражились по другому поводу.

– Я так понимаю, – журналист аккуратно подбирает слова, словно перепрыгивал с камня на камень, пытаясь преодолеть бурлящую реку. – Вы сделали это предложение мне не просто так?

– Вот! – Синявсий торжественно поднял палец. – Не ошибся в тебе, твоя хваленая интуиция никогда не подводит. Ну, давай, рассуждай!

– Хорошо. Зачем вам выдёргивать известного телеведущего и прятать в кабинетах. С моим уходом, канал потеряет серию интересных рейтинговых передач.

– Никто ничего не потеряет, потому, что ты найдёшь себе замену, проконтролируешь нового ведущего, на первых порах несколько эфиров проведёте вместе. И, как я уже сказал, ты, брат, стареешь, со временем такая нагрузка начнёт тяготить, придётся снимать с тебя некоторые обязанности, потом ты можешь потерять интерес к журналистике или вообще охладеть. В один прекрасный момент, переберёшься с

семьей ближе к французским виноградникам, а я бы не хотел потерять надёжного человека!

«Далась тебе эта Франция! Сам туда почти год не выбирался! Работой завален по горло! Дыхнуть некогда!» – раздражительно подумал Алексей и с опаской, настороженно глянул на хмелеющего собеседника:

– Подозреваю, что это ещё не всё?

У журналиста пересохло горло. Директор канала словно почувствовал это и подозвал официанта:

– Принеси ещё бутылочку красного.

Официант обернулся за несколько секунд. И снова Игорь Исламович перешёл на самообслуживание. Взмахом руки отослал услужливого сотрудника ресторана и сам разлил напиток по бокалам. Мужчины, не чокаясь, выпили, погружённые каждый в свои мысли. Соловьёвскому хотелось подбодрить собеседника, мысленно он подгонял шефа:

«Ну, что там у тебя ещё осталось за пазухой, говори, не томи! Чую, что-то не договариваешь, остались ещё условия, при каких я победоносно поднимусь на очередной пьедестал карьерной лестницы...если поднимусь».

При всём нетерпении, журналист профессионально умел держать паузы, поэтому лицо его выражало лишь вежливую заинтересованность. Наконец генеральный директор порядочно хлебнул из бокала, поставил его на стол и разродился:

– Но есть одно условие, которое должно остаться между нами.

«Ну вот, картина проясняется, – думал журналист, – не зря дядя обхаживал и дифирамбы пел».

– Через твой отдел мы начнём пропускать некоторые бюджетные средства. Ты откроешь счёт на своё имя где-нибудь на Кипре или на Каймановых островах. А лучше на жену или на кого-нибудь из надёжных родственников. Всю ответственность я беру на себя, ты даже не будешь знать, когда, сколько и в какой валюте, но всегда сможешь открыть банкинг и проконтролировать переводы, потому что со всех сумм твоя доля десять процентов.

– Не густо! – вырвалось у Соловьёвского. – Счета на моё имя, риски мои, и всего десять процентов? В случае провала, сидеть тоже мне!

– Слышу глас не мальчика, но мужа, – Игорь Исламович криво усмехнулся и неожиданно трезво посерьёзнел. – Провала не случится! Главный экономист сделает всё правильно! С ним, кстати, тоже надо делиться! Если государственные корпорации проверяют каждую копейку, то бюджетные средства проходят без всякого контроля и отчётности! Наша страна богатая, не возьмём мы, прикарманят другие!

Синявский выдохнул. Он устал за день, и этот сложный разговор вытянул последние жилы и нервы. Директор канала хотел домой, в домашние тапки, к горящему камину и чтобы руку охлаждал толстостенный хрустальный бокал для виски с янтарной жидкостью. Игорь Исламович глянул на растерянного или ошарашенного журналиста и подумал, что сам ко-

гда-то принял подобное предложение именно с таким дурацким видом.

– Ну, как, по рукам?

За словами не последовало действия, гендиректор не протянул руку. Повисла пауза. Лицо журналиста не выдавало мучительных размышлений, он отпивал из бокала бордовую жидкость мелкими глотками, а взгляд устремился куда-то в глубину зала.

– Мне надо подумать, – Соловьёвский наконец прервал молчание и поднялся. – Всего несколько минут. Я отойду в туалет.

Алексей Рудольфович вернулся минут через двадцать. В ожидании Синявский нервно посматривал на часы, потом сделал несколько звонков, и снова наполнил свой бокал. Он махнул рукой официанту, прикидывая мысленно, удобно ли будет, если тот, как бы, между прочим, заглянет в туалет и выяснит, всё ли в порядке с журналистом. Не дай бог приключился сердечный приступ на фоне непростого выбора. Молодой человек в длинном фартуке уже вежливо склонился над столом, как появился Соловьёвский.

– Свободен, – генеральный директор даже не повернул головы в сторону obsługi, только коротко кивнул, – принеси счёт.

Парень удалился, а Синявский сконцентрировал взгляд на передвижениях Алексея Рудольфовича, пытаясь перехватить его взгляд и прочесть ответ.

Журналист сел на место, придвинул стул и всем телом наклонился над столом, словно призывая собеседника сохранить интимность обстановки.

– Игорь Исламович, весьма благодарен за проявленное доверие. Я отдаю себе отчёт, по какой причине ваш выбор пал на меня. Я профессиональный известный журналист, человек, которому можно доверять, поэтому уверяю вас, что этот разговор останется между нами. Предложение не только лестное, но и очень выгодное, и всё же, я вынужден отказаться, – Алексей интенсивно замахал руками, – вы не подумайте, что я не доверяю или что-то подобное, просто я не финансист, а корреспондент! Я завоевал свою аудиторию огромным упорством и многолетним трудом, а растеряю зрителя за один день, просто согласившись сменить профиль работы. Сейчас я на пике популярности, рейтинги передач высоки. Ну, вам ли этого не знать! Может быть позже.

Соловьёвский выдохнул с облегчением. Он сказал это! Стоял перед зеркалом в туалете, брызгал на лицо холодной водой и никак не мог решить, по какому пути двинуться, чтобы не совершить ошибки! Деньги, как они были бы кстати на данный момент, когда старшая дочь скоро начнёт готовиться к свадьбе, а средний сын грезит об учёбе в Оксфордском Университете! С другой стороны, сейчас его фигура заметна и ярка на телевизионном Олимпе. Если согласиться с Синявским, то поставит на карту всё – популярность, честное имя и даже свободу! Генеральный не рискует ничем, а

вот он, подставит свою голову, недаром предыдущий руководитель новостных программ где-то скитается в забвении, да ещё и с инфарктом. А может его уже арестовали?!

Журналист отодвинул стул и принял прежнее положение. Синявский же не выразил никаких чувств, только сухо произнёс:

– Напрасно. Такие предложения не поступают дважды. Позже уже ничего не будет, – руководитель канала привычным жестом махнул рукой, подзывая метрдотеля, и обратился к Соловьёвскому, глядя прямо в глаза. – Подожди меня на улице, я оплачу счёт. Да, и о нашем разговоре никто не должен знать!

От последних слов Алексею стало холодно и неудобно, он зябко дёрнул плечами, взял с соседнего стула портфель и вышел в прохладу вечера. Шофёр уже ждал возле крыльца, услужливо распахнув заднюю дверь автомобиля, рядом пристроилось шикарное авто шефа, у дверей которого так же возвышался крупный мужик в пиджаке с каменной мордой. Соловьёвский повернул корпус в одну и в другую сторону, ощущая, как позвонки встают на свои места, пару раз подпрыгнул, разминая затёкшие от долго сидения ноги, и повернулся к дверям, чтобы попрощаться с шефом, который, слегка пошатываясь, появился в уличном сине-красном свете «Розы ветров». Журналист протянул портфель шофёру, чтобы освободить руки для прощания с генеральным директором. Тот, прочитав жест, тотчас оказался рядом с Алексе-

ем. Когда ладонь коснулась потной руки Синявского, край глаза уцепил какое-то движение. Журналист, как в замедленной съёмке, повернул голову, и в эту секунду Федот рухнул на крыльцо к ногам присутствующих.

***

Внутренний голос Алексея прилагал все усилия, чтобы разбудить хозяина в привычное время, а именно в шесть утра, но тяжесть на веках не желала сползать, и он на какую-то минуту снова провалился в сон. Усилием воли Соловьёвский пытался заставить себя открыть глаза ещё от того, что чувствовал на себе тяжёлый взгляд. Привычные запахи и звуки подсказывали, что он дома, и всё же что-то было не так. Он потёр лицо ладонями и рывком сел на кровати. Непривычным оказалось то, что рядом не было жены. Она стояла напротив собранная, высокая, стройная и не утреннему слишком торжественная.

– Что-то случилось? – Алексей не сразу вспомнил о трагедии, произошедшей накануне вечером.

Он приехал домой около двух часов ночи после долгих изматывающих разговоров с полицией. Его никто не ждал, не предлагал ужин и не интересовался делами и настроением. В этот момент он сам чувствовал себя, как выжатая тряпка, ему было не до разговоров. Алексей быстро умылся и лёг спать, всё же обратив внимание, что Эммы нет рядом, но выяснять причины среди ночи не хватило сил!

– Ты провёл вечер у неё? – от Эммы веяло холодом.

– У кого? – мысли Соловьёвского прокрутили историю прошлого вечера.

– Вот у этой дамы! – жена сделала шаг к кровати и протянула телефон. – Эти фотографии я получила вчера днём.

Алексей поднялся, накинул халат, и взял смартфон из холодных рук жены. Пролистывая снимки годичной давности, откуда-то из глубины груди просочилась тонкая ниточка печали – тогда они были счастливы и не обременены претензиями друг к другу.

«Дура, Лизка, – подумал мужчина, – если бы не её истерики, отношения могли бы продолжаться! А ведь экая дрянь! Выполнила обещание! Да как некстати!»

Пара красовалась в разных ракурсах и интерьерах. Лиза рядом с ним – загорелым, сильным мужчиной выглядела восхитительно. Он вспомнил, что в это время они улетали на пять дней в испанскую Малагу. На фотографиях не отражалась похоть, развратные действия или другой мерзкий компромат, но с первого взгляда можно было прочесть, что пара вместе прекрасно проводит время. Он бросил телефон на кровать и устало произнёс:

– Меня вчера пытались убить, а ты суёшь под нос с утра пораньше сфабрикованный фальсификат! Это звенья одной цепи, кто-то хочет меня уничтожить!

– Как убить? – Эмма мигом забыла о ревностных страстях, которые бушевали в душе весь прошлый день. Она кинулась к мужу, потянулась на цыпочках, и обняла его голову. – Что

случилось? Я не слышала ничего такого в новостях.

– Мы ужинали с Синявским в «Розе ветров». Это произошло, когда вышли на крыльцо. Полиция считает, что хотели убить меня или его. Шеф позвонил знакомому генералу и попросил не разглашать сведения об инциденте.

– Кто-нибудь пострадал? – жена повернула голову Алексея к себе и испуганно посмотрела ему в глаза.

– Федот. Выстрел прозвучал в тот момент, когда шофёр, забирая портфель, закрыл меня своим телом. Всё произошло в доли секунды. Полиция выяснила, снайпер стрелял с крыши соседнего дома.

– Водитель умер? – глаза Эммы расширились от ужаса.

– Жив, но в тяжёлом состоянии. Надежда на здоровый организм, – Соловьёвский высвободился из объятий жены. – Я хочу поехать к нему в клинику. Ты со мной?

– Мне необходимо собрать детей кого в лицей, кого на тренировку, кого на курсы и в бассейн. Ты подождёшь меня, я быстро сделаю завтрак.

– Нет. Выпью кофе и поехал. Возьму байк, так быстрее, не застряну в пробках. А ты, если хочешь, приезжай позже в городскую клиническую больницу. Толковые доктора колдуют над парнем, – Алексей обнял жену за плечи и удержал возле себя. – У Федота в Москве никого нет, а я обязан ему жизнью.

– Может, стреляли в Синявского? Ты простой журналист, а он генеральный директор телевизионной компании!

– Не знаю, за мной жёсткая пропаганда, а за ним деньги! В общем, вещи равнозначные. И у меня, и у него много недоброжелателей!

– Недоброжелатели не стреляют из оптических винтовок, – задумчиво проговорила женщина.

– Может ты и права, мне нужно время, чтобы разобраться кое в чём. Надеюсь, к вечеру получу разъяснения.

– И всё же лучше решить вопрос с охраной.

Соловьёвский махнул рукой и направился в ванную комнату. В свете событий прошедшего вечера, у журналиста сложилось определённое мнение. Но он не стал делиться соображениями с женой. Хватит с неё и этой информации, пусть занимается детьми и домом. Изначально Алексей вообще не хотел посвящать жену о факте покушения. Если бы не пришлось оправдываться об адюльтере с Лизой, она бы так и не узнала, что кто-то намеревался лишить его жизни. Эмма прихватила его врасплох с утра пораньше! Возле двери он обернулся:

– Сделай кофе, пожалуйста. Я в душ.

– Послушай, Лёша, – женщина шагнула за ним следом, – если покушались на тебя, значит, могут повторить попытку!

– Не думаю, что всё так трагично, не бери в голову!

Журналист скрылся за дверями ванной комнаты. Уже стоя под струями горячей воды, он прокручивал вчерашнюю беседу, и ему становилось всё яснее, что Синявский или те, кто стоит за ним, этим выстрелом дали понять, что ни в ко-

ем случае не стоит открывать рот по поводу левых денег, которые прокручиваются через канал, иначе угроза реализуется в настоящие действия. И всё же где-то глубоко шевельнулись сомнения. Он вспомнил перекошенное лицо Синявского, который с пеной у рта доказывал полицейским, что убить хотели именно его!

Глава 3

Лиза не хотела открывать глаза. В висках с диким грохотом стучали кувалды о наковальню. Бух- бух! Бух-бух! Или это сердце с надрывом из последних сил толкает в череп кровь? Кажется, если в голову проникнет свет, накалённый шар в районе глаз лопнет и обожжёт тысячами искр. Она часто дрогнула ресницами, маленькие солнечные зайчики запрыгали по сетчатке. Взрыва не произошло, девушка глубоко вздохнула, мысленно пробежалась от макушки головы до кончиков пальцев на ногах и медленно открыла глаза. В первые секунды Лиза мучительно пыталась сфокусировать взгляд на потолке и ещё минуту лежала без движения, пытаюсь сообразить, где находится. Откуда-то издалека донёсся незнакомый хриплый голос то ли мужчины, то ли женщины:

– Наконец-то пришла в себя, думала, уже не оклемаешься!

Девушка чуть повернула голову в сторону звуков и, увидев в полумраке живое существо, задумалась о том, кто перед ней – мужчина или женщина. Оказалось, что луч солнца падал откуда-то со стороны, остальное пространство окутывал полумрак. Она подтянулась на локтях и как дворовая глупая собака наклонила голову в одну, в другую сторону, оглядывая обстановку и нечто, которое протягивало пластиковую бутылку с водой. Заболоцкая провела шершавым языком по сухим губам, протянула руку и мысленно взмолилась:

«Полцарства за глоток»!

Пальцы, которые держали бутылку, попали в луч света и Лиза автоматически отстранилась. Рука имела такой жуткий и замызганный вид, что к горлу девушки неожиданно подступила тошнотная волна. Она вернула тело в прежнее положение и прикрыла глаза.

– Не бойсь, – проскрипел голос, словно прочитав её мысли. – Воду я взяла у волонтеров возле трёх вокзалов. Они там почти каждый день еду, и питье раздают, – тело устроилось рядом, открутило крышку бутылки, и поднесло к лицу Лизы. – Уж извини, поесть не принесла, дают только суп с хлебом, а в пластиковой тарелке не донесла бы, да и далеко-вато, всё бы остыло. А вот хлебушком запаслась. Будешь?

Елизавета отрицательно мотнула головой, снова подтянулась на локтях, взяла бутылку, и сделал несколько маленьких глотков. Рвотные позывы постепенно утихомирились, и она попыталась снова рассмотреть обстановку вокруг. По обшарпанным стенам и потолку, с отвалившейся штукатуркой, стало понятно, что находится она в условиях близких к подвальному. Из щелей затемнённых окон проникал яркий свет, тянуло сыростью и в то же время ароматами корицы и ванили.

– Пахнет кондитерской, – Лиза попыталась сесть, но закружилась голова. Она вернула бутылку в неопрятные ладони и снова вернулась в горизонтальное положение.

– В соседнем доме магазин, там отдел со свежей выпечкой.

Когда я здесь ночью, запахи напоминают дом.

Заболоцкая повернулась и посмотрела на собеседницу. Ей оказалась женщина, возраст которой определить было почти невозможно из-за волос с пробивающейся сединой и общей неопрятности в облике и одежде.

– Что это за место? – Лизе, наконец, удалось подняться.

– Дом расселили, хотели снести, но власти, кажется, совсем про него забыли. Зимой здесь холодно, несмотря на то, что окна забиты досками. Я тут проживаю с весны до холодов. Так сказать, летняя резиденция, – женщина хихикнула, прикрыв грязной ладонью рот. – От прежних хозяев остался вот этот диван, занавески, даже кое-какая посуда. Это недалеко от метро «Добрынинская».

– Зимой, где обитаешь? – Лиза спрашивала машинально, сознание никак не хотело мириться с действительностью, она словно попала в жуткое, грязное зазеркалье.

– В теплотрассе. Много убогих, да бездомных живёт за вокзалом в старых вагонах. Ну, там полное отребье, профессиональные попрошайки, голимый криминал, уколошить могут не за понюшку табаку, – женщина пожала острыми плечами. – Я их боюсь!

Гостья усмехнулась про себя, всматриваясь в хозяйку заброшенных апартаментов:

«Надо же, обитатели дна, оказывается, делятся на сословия и ранги. Интересно, тётка, без определённого места жительства к какой категории себя причисляет?»

Мысль быстро улетучилась, Лиза пошевелилась, проверяя своё тело. А женщина, не обращая внимания на долгий критический взгляд, продолжала:

– Иногда удаётся переночевать в приюте для бездомных. Там хорошо, можно поесть, поспать нормально и даже помыться, но рано утром выставляют за дверь для дезинфекции.

Собеседница набрала воздух для продолжения монолога, но Лиза опередила её:

– Как я сюда попала?

– Я притащила. Наткнулась на тебя вчера днём. Поела возле трёх вокзалов и сюда возвращалась, увидела кроссовок в куче мусора, хотела взять, вот тебя и раскопала.

– Я что, лежала в куче мусора? – Заболоцкую передёрнуло.

– Ну да! – женщина усмехнулась одними губами. – Не переживай, не помои какие-нибудь, так мусор строительный. Сначала хотела так и бросить, думала, что труп, но проверила пульс, чую, ты дышишь! Я раньше на скорой помощи работала, в этом разбираюсь. Оставлять на улице тебя было нельзя, хоть и апрель, но ночи холодные, околела бы! Вот кое-как дотащила в старую квартиру, запёрла на диван, да укрыла своими одеялами, – неожиданно женщина сменила тему, она повернула голову и посмотрела на Лизу удивительно голубыми, почти прозрачными глазами. – Ты давно ширяешься?

– В смысле? – Заболоцкая сдвинула брови. – Ты имеешь в виду наркотики?

Женщина кивнула.

– Вообще не про меня, я уколов с детства боюсь!

– Сейчас влить в себя дурь можно любыми способами, не только при помощи шприца. Столько её развели, что и не сосчитать! – женщина снова протянула пластиковую ёмкость. – На, попей, приходи в себя и вспоминай. Когда я притащила тебя сюда, то осмотрела и ощупала тело. Синяков, ушибов, переломов нет. По голове тебя тоже не шарахали. Значит, ты или наркоты перебрала, или отравы какой, или снотворного наелась. В любом случае, появилась здесь в компании, сама бы себя мусором завалить не смогла!

– Тогда как я здесь очутилась? – тупо повторилась Лиза.

– Ну, этот вопрос не ко мне! Спроси, кто тебя сюда поместил на погибель!

– Ничего не понимаю! – Лиза потёрла виски. – И ничего не помню! – она лихорадочно взялась извлекать из памяти остатки воспоминаний и неожиданно вскинула глаза на собеседницу. – Сегодня, какое число?

– Двадцать второе апреля.

– Двадцатого вечером я уснула в своей кровати абсолютно и безобразно пьяная. Каким образом меня угораздило оказаться здесь?

– Да, милая моя, об этом ты можешь спросить у своих собутельников. Но вот что скажу, пока я пёрла твоё тело на

себе, запаха алкоголя не почувствовала, а вот аромат дорогой парфюмерии доносился.

– Одна я пила, – вздохнула Елизавета, – любовник бросил.

– Причина веская.

– Что же я сию? Дома кот голодный! – Заболоцкая засуетилась.

– Э, погоди, – удержала её за руку женщина. – Куда ты пойдёшь в таком виде. Менты загребут на первом перекрёстке, определяют в спецприёмник. У тебя при себе ни документов и вообще ничего нет, из одежды только джинсы и майка. Это я тебя в свой свитер одела!

– Щедро! – Заболоцкая опустила подбородок, пытаюсь в полумраке рассмотреть подарок от бомжихи. – Я верну, позже.

– Вернёшь, – эхом отозвалась женщина. – Свитер последнее напоминание о прошлой жизни. Ладно, – она потрянула головой, и тон её снова сделался деловым. – Пойдёшь, как стемнеет. Где твой дом?

– Мы в районе метро «Добрынинская», говоришь? – Лиза мысленно прикинула маршрут. – Квартира в центре, если избегать оживлённых улиц, добираться дворами, шагать километра четыре.

– Не близко, но не бойсь, провожу тебя, – задумчиво отозвалась новая приятельница с неожиданной грустью в голосе. – Тебя как зовут?

– Елизавета. Лиза. А тебя?

– Александра Великая! – женщина с вызовом посмотрела на Заболоцкую голубыми глазами. – Ну, чего молчишь? Теперь можно смеяться!

– Не поняла? – Лиза ещё туго соображала. – На каком абзаце смеяться?

– На Александре Великой! – женщина вздохнула. – На этих словах все ржут! Как же, побирушка грязная, бомжовка привокзальная, а величает себя Великой! Только я не вру! Фамилия у меня такая – Великая! Мой прадед из сибирских купцов!

Елизавета скинула с себя тряпки, именуемые одеялами, стянула ноги с дивана и, преодолевая головокружение, поднялась, постояла несколько секунд и снова огляделась вокруг. От съехавших жильцов не осталось ничего доброго, конечно, зачем в новую квартиру тащить старую рухлядь. В полумраке комнаты она разглядела табурет, который гражданка Великая использовала как столик, в углу покосилось старое кресло, а у стены возвышалась старинная этажерка, модели начала прошлого века. В голове мелькнула мысль, что на полочках когда-то лежала стопка книг, стояла череда слоников или статуэтка утончённой балерины со вскинутой над головой кистью руки. К стене и направилась Заболоцкая, заметив зеркало, с тёмными прожилками потрескавшейся амальгамы. Созерцание себя не доставило никакого удовольствия – лохматая голова, синяки под глазами и растянутый свитер, поеденный молью и старостью. И всё же ви-

док оказался не настолько удручающим, чтобы предаваться паническим настроениям – руки, ноги, шея целы, а значит всё остальное поправимо.

– Да уж, отправляться в открытый доступ с таким облачением опасно, – Лиза пригладила волосы и повернулась к Александре. – Ты права, лучше дождаться темноты. Какой сейчас час?

– Точно не знаю, девять или десять утра, – бомжиха неопределённо пожала плечами. – Мы народ свободный, от работы не зависим и часов не наблюдаем.

– Везёт! А я на службе не появлялась уже несколько дней! Шеф убьёт, если уже не выгнал, – девушка задумалась на секунду, обратив свой взор на урчащий желудок. – Ты уже подкрепилась с утра?

– Ну, да, бегаю пораньше, пока народ ещё не подтянулся. Волонтёры возле вокзалов кормёжку устраивают в определённые часы, целый день не стоят. Если опоздаешь, останешься голодной.

– Как же целый день без еды?

– Нормально! – Александра попыталась улыбнуться, но поморщилась – трещинки стягивали губы словно старая резинка. – Возле крупных супермаркетов вывозят в контейнерах просрочку. Иногда, правда биться приходится за кусок, но без ничего не уйдёшь. Раньше нищие и бомжи возле старых продуктов отирались, а сейчас и пенсионеры не брезгают, так что конкуренция жёсткая! Просроченную продук-

цию вывозят раз в два дня перед закрытием. Сегодня как раз можно пожить. Вот тебя провожу и отправлюсь на поиски пропитания.

– Может рискнуть и перебежками, да задворками пробраться домой? – перебила размышления бомжихи Елизавета, мысленно вообразив, какую она с ней будет представлять картину на московских улицах.

– Как хочешь, – Александра произнесла с каким-то скрытым сожалением и напускным равнодушием. – Но лучше не рисковать, если попадёшь в полицию, там всю душу вытряхнут! Хорошо, если разрешат позвонить родственникам. А вот нас, бомжей, к телефону не подпускают! Всё равно некому звонить, – Великая критически осмотрела девушку. – В данный момент, ты от нас мало чем отличаешься! Видок ещё тот!

Мысль о родителях охладила желание отправиться домой немедленно. Если она попадёт в полицию и мать узнает об этом, а она со своими связями рано или поздно об этом обязательно узнает, то свободной жизни придёт конец! Родительница заставит отца расторгнуть контракт и вернуться в Россию для обеспечения безопасности непутёвой дочери!

Лиза шагнула к проваленному дивану, пристроилась рядом с собеседницей, взяла из её рук бутылку с водой и неожиданно захохотала. Смешным казалось всё и её жуткое положение, грязный свитер, гражданка Великая, а больше всего развеселила мысль, что она, несмотря на мрачную об-

становку, живая! Александра хохотала вместе с ней, поднимая ноги от пола, и притоптывая подошвами дырявых ботинок. Две женщины сидели на старом облезлом диване в заброшенном доме и смеялись от того, что им было весело. Лиза немного успокаивалась, но неожиданно снова и снова взрывалась истерическим хохотом. Когда утихомирилась окончательно, в голове всплыла простая мысль о том, что совсем забыла о существовании любовника Соловьёвского, о горьком разрыве с ним, о так и не отправленной статье и о суровом шефе.

Вдруг живот стянул приступ голода, но Лиза брезгливо передёргивалась, представляя, что возьмёт кусок хлеба из грязных рук новой знакомой.

«Ничего, – успокаивала она себя, – голодание только оздоровит организм, до вечера можно и потерпеть».

– Почему ты не вызвала полицию или скорую помощь, когда меня обнаружила?

– Сама понимаешь, – вздохнула женщина с раскаянием, – телефона у меня нет, документов и денег тоже. Зачем мне связываться с правоохранительными органами? Себе дороже! Вызвать скорую помощь – получится такая же картина! Наряд врачей обязан сообщить в полицию, а те опять обратятся к тому, кто обнаружил тело! – Александра неожиданно сдвинула брови. – Нет, ты не подумай, если с тобой произошло что-то серьёзное, я бы конечно! Я сама из медицины, осмотрела тебя, чую, дышишь, значит рано или поздно

в себя придёшь! – женщина замешкалась, подбирая слова. – Непоправимое могло произойти в том случае, если бы тебя никто не нашёл!

– Ничего не понимаю! Как ты думаешь, кто-то хотел моей смерти? – Заболоцкая вопросительно посмотрела в васильковые глаза.

– Не знаю, – покачала седой головой женщина. – Смотря, что ты употребила или, что в тебя вкололи или влили. Могли отстранить на время, а может, бросили на погибель!

– Послушай, давай, до темноты свежим воздухом подышим? – Елизавета огляделась. – Здесь жутко как в склепе!

– Нет, уж лучше отсидеться в тепле! На улице дождь со снегом!

«Даже погода успела измениться, пока я пребывала в бесчувствии, – тоскливо подумала девушка, настраиваясь на долгое ожидание. Ей до боли в животе, хотелось: есть, пить, а больше всего оказаться в своей ванной с пеной и пушистыми полотенцами. Неожиданно в мыслях всплыл образ одинокого кота и слёзы скопились в уголках глаз. – Только бы Мурзик меня дождался! – она вспомнила про сыр «Гауда» и проглотила слёзный ком. – Ничего, он терпеливый. Главное сама жива!»

Заболоцкая снова углубилась в свои размышления, а новая знакомая не останавливаясь, что-то говорила. Видно соскучилась по собеседнику. А кто станет слушать жизненные страдания упавшего человека? Только такой же упавший, а

среди таких мало осталось душевных. Падают зачастую от наркоты и алкоголя, от того и круг интересов соответствующий.

В какой-то момент Лиза вернулась к реальности и с интересом включилась в круговорот судьбы некогда прилично-го человека Александры Великой. Неожиданно ей в голову пришла мысль о том, как определить приличный человек или нет. Взять бомжовку, так она могла кроссовки «Адидас» с джинсами знаменитой фирмы «Вранглер» снять и продолжала бы валяться Лизка в куче мусора до скончания. Ан, нет! Приволокла на свою кровать, свитер свой надела, одеялами укрыла, жажду помогла утолить! И, скорее всего, с виду приличный, порядочный и добрый человек поместил её сюда на погибель. Заболоцкая очертила для себя круг подозреваемых. Да, собственно не круг, но с двух мужчин она спросит с пристрастием, надо только до дома добраться, подкрепиться и привести себя в порядок!

После того, как Елизавета приняла план действий, мысли успокоились и переключились на монотонный рассказ Александры.

За разговорами время двигалось незаметно. История падения оказалась примитивной и давно известной. Это поднимается человек с надсадой, преодолениями, душевными муками, продираясь сквозь тернии к вершинам, а вниз лететь легко и непринуждённо, просто колбаской или сосис-

кой по Спасской. Именно эта мысль проходила красной нитью в рассказе бомжовки. Когда начала загибаться сибирская, некогда крепкая деревня, молодые жители потянулись в город к работе и развлечениям. Медсестра местной поликлиники Саша Великая о смене места жительства не думала. За неё подумали где-то наверху, когда в порыве оптимизации медицины, закрыли, заколотили крест-накрест двери старенькой больнички. До кучи ещё мужа уличила в измене, да не где-нибудь, а в собственной постели! Вот так пришло решение: безработного тунеядца изменника за порог со спортивной сумкой через плечо, а дом на продажу. Во время успела, ещё нашлись покупатели на добротную недвижимость с крепкой верандой и обширным огородом. Развод прошёл тихо – детьми семья не обзавелась, проживала на жениной территории, поэтому имущественных претензий не возникло! И куда податься даме с востребованной профессией, с небольшими сбережениями, зато со звучной фамилией? Конечно в Москву! Лёгкой жизни Александра не искала, зато невыносимая лёгкость бытия нашла Александру и заставила существовать по собственным правилам.

Уже вечерело, когда на площади трёх вокзалов к даме с чемоданом подошла приятная старушка и предложила арендовать у неё комнату, за плату весьма приемлемую. Саша согласилась сразу. Москвы она не знала и не представляла, где проведёт грядущую ночь, а тут женщина пожилая, опрятная, с добрыми глазами. Трёхкомнатная квартира оказалась в ти-

хом спальном районе со скромным ремонтом, зато со всеми удобствами. Несмотря на то, что Александра звалась Великой, всю свою жизнь посещала нужник на улице и баню два раза в неделю. А тут и унитаз белый, и горячая вода, хоть займись! В общем, столица, несмотря на разные поговорки, типа «Москва слезам не верит» приняла деревенскую женщину по-доброму. Первую неделю Александра до мозолей сбивала ноги, осваивая достопримечательности столицы, но вскоре поняла, что мощна не бесконечная и надо искать работу. С этим тоже проблем не возникло, объявления в газетах пестрили различными предложениями. Препон появился в самом неожиданном месте – работодатели не желали принимать гражданку в трудовые коллективы без московской регистрации. К слову сказать, у Великой прописка в паспорте отсутствовала вообще. Отдавая дом новым хозяевам, она лишилась адреса, а о новом Саша решила подумать на другом месте жительства. К неожиданности квартирсыёмщицы, бабка категорически отказалась регистрировать жиличку даже временно. Она сослалась на то, что сын почти не ладит с семьёй, поэтому может вернуться совсем неожиданно, и в любой момент Александре придётся искать другой угол. Таким образом, всплыл образ сына. Однако бабуся клятвенно пообещала, в случае чего, поспособствовать в поисках и работы и при необходимости жилья.

– Не горюй, на ночной улице не останешься! – приговаривала старушка, распаковывая пакеты. – Давай лучше по-

вечеруем, я бутылочку взяла. Всё-таки суббота. А на понедельник я тебе работёнку нашла. Надо убраться у подруги на даче.

Александра обрадовалась, хоть небольшие, да деньги! Так и потянулось время. Пару раз в неделю Великая подсобляла подругам квартирной хозяйки, понимала, что батрачит за сущие копейки, но пока другого выхода не видела. Зато в свободные дни они миленько проводили время. Бабка оказалась не душой выпить, несмотря на здоровый цвет лица и опрятность в облике. Александра задумывалась, как это она сразу не рассмотрела? Потом вспоминала, что первое время носилась по столице, как угорелая, приползала вечером и щучкой ныряла под одеяло, пряча гудящие ноги.

– Бабуся по сути была неплохая, добродушная и нежная, – сидя на драном диване, Александра прятала сложенные ладони между коленей и закатывала глаза от воспоминаний. – Похоже, она пропивала всё, что я платила за проживание. Моим пребыванием бабусяка убивала двух зайцев – в кошельке водились денежки на алкоголь и всегда находился рядом собеседник. Уж очень любила старушка поговорить. Всю жизнь работала учительницей, так и не отвязалась от привычки много разглагольствовать. И ведь умела так вкусненько преподнести зелёного змея, аж загляденье! Лимончик жёлтый, слегка присыпанный сахарком, пиалка с оливками, сырок кубиками на шпажках, помидорки солёные в шкурках красненькие с маринованными корнишонами и,

конечно, водочка тягучая, холодная из холодильника! – бомжиха сглотнула слюну. – Это потом, с появлением сына, прекрасный напиток превратился в пойло, вкусная еда в закуску и уютные посиделки в примитивную пьянку. Мужик оказался крепко пьющий, видно по наследству передалось, но это я также не сразу заметила! Сначала он появлялся раз в месяц. Да норовил подгадать к бабкиной пенсии, знал, что маман застолье организует, да и денежек сунет пару бумажек от пьяной щедрости. Потом стал появляться чаще, а вскоре и вовсе нарисовался с чемоданом. Видно семейная жизнь вовсе разладилась, да и с работой как-то не задалось, а тут я вся такая свободная и компанейская! – Великая затрясла головой. – Ты не подумай, между нами ничего не было! Ну, сначала! Я даже пыталась найти другое жильё. С бабусей мы проживали комфортно, а вот с появлением на общей жилплощади мужика, появилось стеснение. Они семья, а кто я, сибирская чужачка! Я уже угол нашла на соседней улице, и чемодан собрала, как бабуся приказала долго жить. Ушла тихо, без вызовов скорой помощи, врачей и носилок. Просто утром не проснулась. Вот тут сын попросил оказать помощь с похоронами. А следом поминки, так мы и снюхались в печали по почившей бабке! Через несколько дней я ему толкую, что без денег и без работы мы долго не протянем. От хозяйки долгов не осталось, но и прибыли ждать неоткуда – пенсионная струйка иссякла. Сын хозяйский, несмотря на крепкое телосложение, на поиски работы не кинулся, а я каждое утро

отправлялась по адресам к работодателям. Как-то возвращаюсь, а он встречает радостный. Оказывается, мужик перерыл всю квартиру и нашёл старушкину записку. Ну, как не прогулять! Дня три мы веселились. Ушла я за очередной добавкой и уже не помню, что так меня задержало, только когда вернулась, возле подъезда стояла пожарная машина. Сожитель мой сгорел в квартире! Обуглился до головешки! В пожаре, а потом и от воды, которой тушили пожарники, пропали документы и вещи. Так я казалась на улице. Сначала пыталась примкнуть к другим бездомным, но там свои законы и порядки. Одной тяжелее выжить на улице, зато живая!

– Ты воровала? – Елизавета задала вопрос неожиданно для самой себя.

– В смысле? – женщина прищурила глаза, стараясь в полумраке разглядеть выражение лица гостьи.

– Как ты выдерживаешь? Холодно, всё время хочется есть?

– Трудно было первое время, потом постепенно привыкла. Возле контейнеров можно много чего найти и одежду старую, и обувь. Продукты, правда, перестали выбрасывать, зато возле крупных супермаркетов всегда разживёшься просрочкой, да хорошо подкармливают волонтеры. Иногда к вокзалам даже медицинская машина приезжает, ребята молодые, студенты оказывают первую помощь. Неплохо подкармливают в храмах, но я туда редко хожу, стыдно немытой перед Богом представать, да молитвы не знаю, и мило-

стынию просить неловко, — Александра притихла на несколько секунд. — Человек может привыкнуть к любым условиям, и со дна на небе видна радуга и звёзды.

— Да ты философ! — Заболоцкую позабавили рассуждения бомжовки.

— Жизнь заставила ко всему относиться со смирением, — Великая что-то прошептала про себя одними губами и опустила голову. — Воровать приходилось. Раз на кассе охранник поймал с упаковкой конфет желейных, так отходил, что в эту «Пятёрочку» я больше не ногой! Пару раз тырила булочки в кондитерской рядом, продавцы заметили, но никто не тронул, наоборот, сами стали давать выпечку, что не продали за день, втихаря от хозяина, но такое случалось не часто. Милосердных и сердобольных больше, чем тех, кто норовит пнуть и прогнать!

Бездомная замолчала, углубившись в свои невесёлые мысли, даже ножками перестала дрыгать. Лиза поднялась и огляделась, ей невероятно хотелось: есть, пить, а ещё больше, скинуть с себя грязную одежду. Она брезгливо передёрнула плечами и мотнула головой:

— Пошли, пока доберёмся, сумерки спустятся. Сидеть здесь, сил больше нет! — Заболоцкая шагнула к двери и оглянулась на новую знакомую, которая не двинулась со своего места. — Ну, ты идёшь?

— Пошли, — диван скрипнул. — Провожу, раз обещала.

***

Когда добрались до дома, действительно опустилась темнота. Из-за моросящего дождя Лиза промокла до нитки и тряслась от холода. Нарядные, сверкающие огнями улицы, казались чужими и враждебными. Привычная к погодным невзгодам Александра вела себя стойко. Возле будки охранника она остановилась и пробормотала:

– Дальше сама! Мне светиться в фешенебельном районе негоже! Видок не позволяет!

– Ну, уж нет! Пошли, я тебя накормлю, устрою дезинфекцию, дальше видно будет! Ты мне жизнь спасла, не больше, не меньше! А видок у меня под стать твоего, так что не беспокойся! Дома никого, только Мурзик голодный! – оказавшись в своём дворе, Лиза расслабилась, и к горлу подступили рыдания. Она проглотила слёзный комок и произнесла с надрывом. – Бедный мой котейка! Несколько дней в одиночестве, без еды! – Заболоцкая потянула новую знакомую во двор. – Пошли скорее!

Охранник придомовой территории в будке отсутствовал, то ли в туалет выскочил, то ли беяш в киоске купить, поэтому, протиснувшись между высоким ажурным забором и шлагбаумом, бомжеватого вида барышни через минуту оказались возле нужного подъезда. И всё же препятствие возникло в виде консьержки – пока Лиза отсутствовала, произошли кадровые перестановки, и незнакомая, дородная женщина за стеклом медленно раздувалась от возмущения при виде, приближающихся дам обтрёпанного вида. Достойные

хоромы такие персонажи должны обходить за километр, а тут две замухрыжки осмелились проникнуть в обитель интеллигентства, профессорства и богатейства!

– И куда это благородное собрание намылилось?

Консьержка поднялась и полностью заполнила своим телом стеклянное пространство. От такого дружелюбного приёма гражданка Великая резко уменьшилась в размерах, жжалась и приготовилась вылететь пробкой из парадного, но Лиза крепко держала её за рукав. Она спокойно подошла к стеклянной перегородке и вгляделась в незнакомое лицо.

– А где Тамара Семёновна?

– Тебе-то что? – тётя в будке упёрла руки в бока. – Вы дамочки убирайтесь подобру-поздорову, пока не вызвала охрану!

– Моя фамилия Заболоцкая, проживаю в семьдесят пятой квартире на четвёртом этаже! – Лиза неумолимым танком двинулась в сторону лифта, но консьержка, несмотря на крупные габариты, проворно выскочила из вверенного кабинета и преградила путь. Хозяйка семьдесят пятой квартиры остановилась и зло зыркнула на препятствие глазами. – Ещё что-то?

– Ты меня глазами не жги! Заболоцкие проживают в этой квартире, правда! Только на данный момент находятся в заграничной командировке, а про других жильцов мне Тамара Семёновна ничего не говорила! Так что убирайтесь в свою клоаку, откуда пришли! Аферистки!

Елизавета раздулась от злости, она готова была смести всё на своём пути! Она не ела несколько дней, не принимала душ, её ждал несчастный кот! И вот сейчас, когда до квартиры оставалось проехать на лифте всего одну минуту, выскочила эта бабища, как чёрт из коробочки! Она уже набрала в лёгкие воздух, как за спиной раздался мужской голос:

– Уважаемая, эта дама действительно проживает на четвёртом этаже, точно надо мной, поэтому лучше вам её пропустить.

Консьержка поникла, стушеввалась и покорно отступила, а Заболоцкая двинулась к лифту, волоча за собой испуганную и жалкую, как тряпичная кукла гражданку с благородной фамилией Великая! Она нажала кнопку вызова и только потом обернулась, чтобы посмотреть, кому принадлежит голос. Высокий представительный мужчина в сопровождении эффектной блондинки остановился сзади. Лицо показалось знакомым, но Лиза так устала, что решила оставить на потом копание в памяти. Неожиданно пухлый рот открыла блондинка:

– Мы что, поедем в лифте вместе с этими? – она сердито тряхнула искусно уложенными локонами.

– Нет, ты поедешь одна! – мужчина вынул из кармана пиджака ключи, сунул в узкую ладошку, и аккуратно подтолкнул девушку в открытые двери лифта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.